

Вячеслав
Ландышев

Исповедь ОДИНОКОГО МУЖЧИНЫ

Вячеслав Владимирович Ландышев

Исповедь одинокого мужчины

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6538932

Ландышев В. Исповедь одинокого мужчины: Издательское агентство

Типограф; Москва; 2009

ISBN 5-7628-0279-8

Аннотация

Данное повествование охватывает двадцатипятилетний период, начиная с середины советских восьмидесятых годов, пройдя через эпоху криминала и хаоса девяностых и заканчивая днями, когда наступил всемирный экономический кризис в 2008–2009 годах.

Многое пришлось пережить главному герою: и жестокую дедовщину в Советской армии, и полное разочарование в людях, и предательство любимой, и обретение новых человеческих ценностей.

Однако в непростых условиях жизни главный герой никогда не отходил от своих принципов, пытался делать добро, защищать слабых, бороться с криминалом и в то же время, изо всех сил старался любить и быть счастливым.

Это история о борьбе за существование обычного человека в сложный период перестройки общества и государства, о том, как формировалась личность среди добра и зла, и о том, как

вырос обычный студент-эмигрант до топ-менеджера в крупном московском издательском доме.

Роман автобиографичен, но отдельные события выдуманы, а любое сходство фамилий и имен персонажей с реальностью совершенно случайно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Вячеслав Ландышев

Исповедь

одинокого мужчины

Глава 1

Юность

Шел 1984 год. Поезд Целиноград – Алма-Ата направлялся на юг, в мой родной город Алма-Ату – столицу Казахской ССР. Когда едешь на поезде через весь Казахстан на юго-восток, то двое суток видишь лишь степи, полупустыни и солончаки. Городов и селений встречаешь на своем пути очень мало. Жизнь в условиях безводья, сильных ветров и бедной почвы тяжела и не способствует созданию крупных поселений. От горизонта до горизонта в разные стороны предстанет перед взором лишь голое раздолье без деревьев и домов. Однако при подъезде к городу Алма-Аты из окна вагона становится видно, как на юге возникает белая полоска – светлая черта на весь горизонт. Далее, пока идет поезд, эта черта жирнеет и становится двухцветной – сверху белая, а снизу черная. А через некоторое время в ней проявляются еще несколько цветов: белый все так же сверху, затем ниже рас-

полагается черный цвет, еще ниже – серый, далее темно-зеленый, светло-зеленый, желтый, который, наконец, сливается в самом низу этой картинке с золотым цветом выгоревшей степной травы. Эта восхитительная палитра красок принадлежит Его Величеству Заилийскому Алатау, хребту горной цепи Тянь-Шаня.

Подъезжающим пассажирам поезда отчетливо видны составные части этой своеобразной земной радуги. Самая верхняя белая полоска – это ледники и снег на вершушках гор, которые многими рядами, друг за другом, как шеренги древних витязей в остроконечных шлемах, стоят от одного края горизонта до другого и уходят вглубь, растворяясь вдали на фоне светло-голубого неба. В первых рядах этих горных воинов виден пик Талгар с высотой около пяти километров над уровнем моря, а где-то там за ним, в задних рядах находится и богатырь пик Победы высотой около семи с половиной километров. Величественные горы! Для сравнения: самая большая гора Кавказа – Эльбрус возвышается чуть более пяти с половиной километров над уровнем моря, а самая высокая гора Западной Европы – Монблан недотягивает и до пяти.

Такая высота Заилийского Алатау помогает ему сохранить от солнечного тепла свои ледники даже летом. Однако снег у подножия вершин в течение летних месяцев все равно тает, и поэтому ниже белых ледников чернеют скалы. Зимой и они покрываются снегом, но в то время, о котором идет по-

вестование, у подножия гор стояла тридцатиградусная жара, был август, и снег стаял примерно до высоты четырех тысяч метров над уровнем моря. И только выше в горах солнцу продолжали сопротивляться вечные ледники. Они, конечно же, стаяли потихоньку, ведь на самом верху тоже была плюсовая температура, но полностью своих позиций за лето не сдавали и радовали глаз своими белыми, сверкающими на солнце шлемами.

Если спуститься от ледников вниз по горе еще примерно на один километр, то после черных, безжизненных скал можно увидеть появление альпийских лугов с небольшой травкой, похожей на мох в тундре. Лишь это невысокое растение успевает вырасти на таких высотах за короткий теплый промежуток времени. Именно эта травка и дает в общей разноцветной палитре горного хребта светло-зеленую полосу.

Если же и далее спускаться вниз, то после альпийских лугов простирается темно-зеленая полоса тянь-шаньских елей. Ареал распространения этих высоких конусообразных деревьев в Заилийском Алатау достигает в ширину несколько километров и плавно переходит по холмам в смешанный лес, который с мая по август в описываемой земной радуге дает зеленый оттенок, а осенью начинает переливаться разными цветами. Уже в августе появляются в этом лесу и красные листья клена, и желтая листва берез, и темно-бордовые листья боярышника. Наконец еще ниже смешанный лес переходит в травянистые холмы, имеющие светло-зеленый оттенок, а

уже у их подножия, залезая улицами в горные ущелья, как осьминог своими щупальцами, раскинулся город Алма-Ата, в котором белые кварталы домов проглядываются сквозь зеленые колонны высоких, но узких пирамидальных тополей.

Потрясающая картина и радостное зрелище не только для тех людей, которые первый раз видят горы, но и для тех, кто родился и вырос в таких красотах. Горы всегда зачаровывают своим величием, спокойствием и монументальностью.

* * *

В коридоре купейного вагона поезда Целиноград – Алма-Ата я стоял с другом и смотрел в окно на приближающуюся горную цепь. Мы возвращались из Целинограда с соревнований по легкой атлетике.

– Как красиво, правда, Иван? – обратился я к стоявшему рядом невысокому, коренастому блондину немцу Ивану Кунцу. – Представляешь, эта горная громада не вулканического происхождения, а тектонического. Пишут, что полуостров Индостан, где сейчас располагается Индия, миллионы лет назад был островом в Индийском океане и потом столкнулся с Азией. От этого столкновения возникли Гималаи и Тянь-Шань. Представляешь, какой же силы был удар острова с материком, чтобы так сморщилась земля и образовались горы высотой до девяти километров!

– Тяжело себе представить это, Славян. Вообще фантасти-

ка какая-то. А я думал, что эти горы из-за вулканов возникли. Лава постепенно застывала и, как слоеный пирог, увеличивалась в высоту. Но неважно, как эта горная гряда возникла, главное – сейчас она так красиво смотрится, – улыбнулся Иван. – Сколько смотрю, все никак налюбоваться не могу. Я гор не видел до 17 лет. А как приехал в Алма-Ату поступать в институт, так сразу полюбил и сам город, и эти горные массивы.

– Недавно прочитал в одной из книг Вальтера Скотта, что наиболее красивые места на Земле именно те, где горы переходят в равнину. Наверное, это правда, несмотря на то, что я еще не видел моря вживую, а только любовался им на фотографиях и по телевизору и поэтому не могу еще пока объективно сравнивать море и горы. А ты видел море?

– Нет пока. Я был только в Киргизии и Казахстане. Дальше не выезжал.

– Я тоже был только в Киргизии и Казахстане благодаря соревнованиям и тренировочным сборам. Но какие наши годы, братан! Всего-то мне 17, а тебе 18 лет. Вся жизнь впереди. Поглядим еще мир, покупаемся в море, походим по крупным городам, посмотрим их архитектурные шедевры. Хотя я уже сейчас уверен в том, что самые лучшие творения человека не стоят и маленькой доли того, что создала природа. Когда стоишь на вершине горы и смотришь вниз, на длинные ущелья, на высокие скалы, на водопады, на громадные ели, то понимаешь, что такое великолепие человек создать

не может и на это способна только природа. Кстати, как насчет того, чтобы в выходные сходить в горы и куда-нибудь на скалу забраться?

– С удовольствием. Надо размять кости, а то я устал ехать двое суток по этим безлюдным степям.

– Да, просторы огромные. Территория Казахстана по площади равна пяти Франциям. А Франция, кстати, крупнейшее государство Западной Европы. Вот только людей во Франции живет, если не ошибаюсь, около шестидесяти миллионов человек, а в Казахстане – всего семнадцать, и то из них казахов только около семи миллионов.

– Серьезно? Так мало казахов здесь проживает? – удивился мой друг.

– Да. Сюда ведь не только в начале века русские из Сибири приезжали, но и вас, немцев Поволжья, в годы войны переселили, и чеченцев с Кавказа, и татар с Крыма, и турок, и корейцев, и азербайджанцев – кого только здесь нет.

– А твоих предков как в Казахстан занесло?

– По рассказам бабушки, предки ее были зажиточными крестьянами и жили в Восточной Сибири. Имели скот и участок земли около трех гектаров. Они не были помещиками, но также не были крепостными крестьянами. Скорее всего, были свободными поселенцами, которые получали землю от царя и освобождение от налогов при переселении из центральных областей России. Дед по отцовской линии был видным человеком, работал в сфере образования, инспектиро-

вал школы и учебные заведения по всей области. Когда началась война, он ушел на фронт офицером в звании майора и погиб под Сталинградом. А уже после войны моего отца сразу после окончания школы привезла в Алма-Ату его мать.

– Интересно. А как здесь оказались твои предки по материнской линии? – спросил Иван.

– По маминой линии у меня по жилам течет кровь донских казаков, которых русская императрица после воссоединения Казахстана и России в XVIII веке заставила перебраться с Дона на охрану границ Казахстана от джунгар. Эти монгольские племена каждую весну переходили горы Алатау и вырезали местное население на границе с Китаем. Говорят, что с Дона тогда выселили каждую двадцатую семью в Казахстан. Представляешь это переселение народа? Эта история будет, наверное, потяжелее любых сталинских переселений. Многие донские казаки тогда погибли в пути, ведь это около четырех тысяч километров дороги на телегах, часто по безводной местности. Я был в селе Каргалы на границе с Китаем, откуда мама родом. Там до сих пор мужики лихие. Грудь вперед, честолюбивые и гордые. У большинства, как и у меня, густые, темные, кудрявые волосы. Так что и мне иногда хочется взять шашку в руки да начать рубать всех направо и налево. Но ты-то это знаешь, – подмигнул я другу и улыбнулся.

Иван всегда слушал меня с интересом. Парень вырос в семье тракториста, в колхозе, недалеко от областного центра.

Учился в школе неплохо, но знания в поселковых учебных заведениях давали поверхностные. Я же в столице с отличием окончил среднюю школу, увлекался историей и был более начитан, чем мой друг.

– А ты знаешь, Иван, что Алма-Ата была раньше всецело казацким городом? Именно казацким, а не казахским, – продолжал я экскурс в историю. – До 1921 года этот город назывался Верный. Здесь была столица казаков Семиреченского войска, основанного в середине XIX века из части Сибирского казачьего войска. На территорию крепости Верный долгое время никого из местных народов не пускали. Лишь в начале двадцатого века разрешили рядом с казачьей станицей поселиться татарам. В Первую мировую войну наши казаки выставили целых три конных полка, но пока воевали за царя и Отечество в Европе, большевики здесь взяли власть и сначала ликвидировали Семиреченское войско как административную единицу и вольное сословие, а потом переименовали Верный в Алма-Ату.

– А что это название обозначает по-казахски?

– Алма-Ата в переводе с местного языка означает «отец яблок», и такое название городу было дано из-за знаменитых фруктов «Апорт», известных еще в царской России. Одним таким яблоком можно было пообедать, оно было крупное – более 15 сантиметров в диаметре. Сейчас таких огромных плодов уже не встретишь. Старики говорят, что эти знаменитые яблоки росли на деревьях в садах у подножия гор, где

сейчас микрорайоны «Орбита» и «Таугуль».

– А я был в этих районах, – сказал Иван. – Кросс бегал вверх по реке. Там так дышится легко из-за близости горной воды. Буду потом в Германии вспоминать эти красивые горные ущелья.

– Что, все-таки уже окончательно решили перебираться в Германию?

– Да, – ответил Иван. – Старшая сестра Ольга, ты с ней знаком, всех уговорила. Она недавно ездила к своей подруге-однокласснице в Западную Германию. Подружка по какой-то правительственной программе уехала в Германию два года назад, через год вышла там замуж за немца, переселенца из России. Молодым дали квартиру за счет государства, платят достойные стипендии, обучают в специальных школах немецкому языку и профессиональной деятельности. В общем, классно им там живется.

– И Оле там сильно понравилось?

– Не то слово. Она в полном восторге. Ей не только Германию показали, но и свозили в Париж на своем крутом «Мерседесе». Там у них можно без виз заезжать во Францию. Все же рядом, каких-то 250–300 километров.

– И когда Ольга вернулась, то вы всей семьей в ближайшем будущем решили выехать на свою историческую родину?

– Ну, не сразу всей семьей. Волокита с бумагами – это долгая процедура. Но на переезд все настроены решительно.

Ольга, когда возвратилась домой, была просто в шоке. Муж встретил ее в аэропорте на новом «Москвиче-412», но сестра не доехала до дома. Как только заехали в поселок, она сказала мужу, чтобы он остановил свое корыто, потом вышла из машины и пошла пешком, – рассмеялся Иван. – Сестра много рассказывала про Германию и сказала, что она здесь в Казахстане жить точно не будет. Любыми способами добьется, чтобы уехать отсюда сначала самой с мужем Эдиком, а потом и наше большое семейство будет вытаскивать. Ты приезжай ко мне в гости, Славик, послушаешь Ольгины рассказы, посмотришь фотки. Даже не верится, что в Германии так хорошо живут.

– Можно и съездить к тебе, пока идут летние каникулы. Мне в прошлый раз понравилось у тебя дома. У вас все такие добрые и гостеприимные люди в семье.

– Видел же, когда был в прошлый раз у меня в гостях, в каких условиях мы живем? Барак, полдома в две комнаты на семь человек, туалет во дворе, горячей воды нет, всего полсотки земли. Отец тракторист, а мать всю жизнь корячится в колхозном поле на уборке свеклы и нас тоже постоянно с собой брала, чтобы больше заработать. Это тяжелый труд. Мама вся больная уже от многолетней работы в полях. А мы, дети, даже плакали от усталости.

– Думаешь, в Германии лучше условия будут?

– Да, Ольга уже много чего узнала. Родителям там должны сразу отдельную квартиру дать и пенсию хорошую начис-

лить. В Германии стариков очень уважают. На пенсию можно кататься по всему миру. Молодым семьям тоже квартиры дают, а холостым – комнату в большом доме с общей кухней и туалетом. После наших условий жизни здесь все это кажется раем. Я даже сильно стараюсь не верить. Если у Ольги получится перебраться за бугор, тогда только я реально поверю, что мы сможем отсюда уехать.

– Так не хочется, чтобы ты уезжал, братан. А здесь, в поселке Карабулак, где вы живете, нет возможности квартиру получить?

– Да отец уже 10 лет стоит в очереди на квартиру, но она почти не продвигается. Строят очень мало, да и готовые квартиры сразу, наверное, расходятся по знакомым председателя райкома и его свиты. Бесплезно ждать, если не блатной. А ты не собираешься в Россию?

– Нет, я Алма-Ату люблю. У меня здесь все родственники, в России вообще никого нет. Да и куда ехать? Вон, соседи уезжали в какую-то деревню под Саратовом, так их дом через полгода там спалили. Мужик наш алма-атинский, когда приехал в Россию, начал ударно работать в колхозе, а по выходным дом свой благоустраивать. С местными деревенскими мужиками пить водку отказался. Некогда же бухать, если переехал и много чего нужно сделать. Ну, как-то поспорил наш земляк с местными пьянчугами – его дом и подожгли. Хорошо хоть все живыми вернулись. Поэтому на голое место страшно ехать. А здесь у меня квартира, родители. Дачу,

может быть, в горах купим. Да и оптимист я по натуре, думаю, что все в Казахстане будет хорошо. Обострившийся в последние годы национальный вопрос с казахами, конечно, напрягает, но, думаю, как-нибудь проживем, притремся друг к другу, и дальше будет так же, как было раньше в младших классах, когда мы еще не разбирались, кто из одноклассников какой национальности, а били друг другу в морду из-за того, что ты дерьмо и чмо, а не из-за того, что ты казах, азербон или русак.

– К тому же можно тебе жениться на казашке и совсем своим стать, – усмехнулся Иван. – Ах да, совсем забыл, у тебя ведь роман не с казашкой, а с немкой. Наши немцы и в этом вопросе впереди, – продолжал подкалывать меня друг. – А как, кстати, у тебя развиваются отношения с Таей?

– Развиваются очень быстро. Мы уже встречаемся каждый вечер. Друг от друга ведь недалеко живем, в одной школе учились. Я у нее вечерами дома сижу. Книжки вместе читаем, уроки вместе готовим, – подмигнул я Ивану с улыбкой.

– Так вы с первого класса вместе, что ли? Не надоела она тебе еще за 10 лет?

– Нет, я ее знаю лишь пару лет. Я же после восьмого класса переехал в другой район, и мне пришлось перевестись в новую школу.

– Сразу влюбился, как только увидел ее 1 сентября? – продолжал допытываться Иван.

– Вообще-то я сразу зажигаюсь девчонкой, но в этом слу-

чае было не так, потому что Тая дружила уже много лет с одноклассником Валерой и все думали, что сразу после школы они поженятся.

– И как получилось, что они не поженились? Ты ее еще в школе отбил у своего одноклассника?

– Нет, не отбивал, даже и не старался. Как-то не в моих правилах отбивать девчонку у пацана, если она сама этого не захочет. Я начал за ней ухаживать только тогда, когда она сама мне намекнула.

– Ну и как она тебе намекнула? – оживился Иван.

– Мы случайно встретились с ней после окончания школы в автобусе, ехали в институт. Она поступила в иняз, который находится недалеко от нашего физкультурного. В автобусе разговорились, она сказала, что еще с девятого класса за мной наблюдает и что была бы не против, если бы я ее у Валеры отбил.

Я замолчал и вспомнил тот разговор с Таей в автобусе.

– Слава, а почему ты в такой непрестижный институт пошел? Школу ведь на «отлично» окончил, один из самых сильных в классе учеников, а идешь в физкультурный, – спросила Тая меня тогда.

– Да я с седьмого класса мечтаю стать тренером. Хочу воспитать олимпийского чемпиона. Уже давно выписываю по подписке специализированный журнал, вырезаю интересные статьи о том, как правильно тренироваться, наклеиваю их в общую тетрадь. И детей мне очень нравится тренировать.

– Не знаю, прав ты или нет, что пошел в физкультурный, – продолжала моя спутница. – Я спорт никогда не любила. Пошел бы, к примеру, в Институт народного хозяйства, там у тебя тем более отец деканом работает. Нархоз ведь у нас очень престижный вуз. Многие стремятся туда поступить.

– Но я, Тая, не такой, как все. Я всегда был белой вороной, ты знаешь это. Мне важен не престиж, а чтобы душа лежала. К тому же есть еще один плюс, что я учусь в физкультурном: сейчас наши институты находятся недалеко друг от друга и мы можем случайно встретиться с тобой на остановке у цирка, – перевел я в шутку разговор.

Она улыбнулась, но потом, опустив глаза, сказала тихо:

– Ну, почему нам только случайно встречаться? Давай договоримся, что после института будем некоторое время гулять, а потом вместе домой добираться.

Я смутился от неожиданного предложения Таи.

– А как же твой парень, Валера?

– А ты меня у него отбей, – сказала она и так на меня посмотрела, что мне кровь сразу в голову ударила. Только тогда я разглядел, какие у этой девчонки красивые задорные глаза, курносый носик, очаровательная улыбка. Как я в школе этого не замечал? Наверное, потому что никогда и не мечтал о том, что она может быть моей девушкой.

– Ну и отобью, – сказал я Тае с вызовом, и оставшиеся пару остановок мы оба промолчали, пытаясь не смотреть друг другу в глаза, чтобы не выдать свое волнение.

– Ну и что дальше-то с Таей? Как сейчас у вас дела? – продолжал расспрашивать меня Иван, – Ты хоть с ней целуешься? Спали уже вместе? Ну и как она в постели?

– Ой, Иван, у нас такой роман. Мы целуемся и ласкаем друг друга. Но ничего больше тебе рассказывать не буду. Извини, братан, это слишком личное, я такими вещами не делюсь ни с кем.

– Все нормально. Я тоже не люблю делиться с пацанами интимными подробностями, но слушать обожаю. Надеюсь, на свадьбу-то не забудешь позвать? – улыбнулся Иван.

– Канэчно, Ваню, – сказал я игриво с кавказским акцентом, – Ты у меня дружкой будешь. Но это, думаю, еще не скоро, а сейчас пойдем одеваться, поезд к вокзалу уже подходит.

Собирая вещи, я продолжал думать о Тае. К тому времени у меня с ней уже была любовь, и, как мне тогда казалось, взаимная. Однако дальше поцелуев и ласк выше пояса дело не заходило. Тая незамедлительно поднимала мою руку вверх, если та опускалась ниже талии. Да я и сам еще боялся быть тогда чересчур настойчивым, потому что у меня не было к тому времени сексуального опыта. К тому же негде было этот опыт почерпнуть, потому что в стране невозможно было купить эротический журнал или посмотреть порнофильм.

Через несколько недель после приезда из Целинограда началась учеба в институте. В большой перерыв между парами, который длился 40 минут, я бегал в институт иностранных языков, где училась моя первая любовь – Тая. На маленькую стипендию мне не удавалось делать ей дорогих подарков, но на пирожные, которые моя девушка очень любила, денег хватало.

Пробежишься так по морозу зимой полтора километра и потом получаешь удовольствие оттого, что сидишь в тепле и смотришь, как радуется твоя девушка твоему приходу, как ест с наслаждением пирожное и как смотрит на тебя своими красивыми глазками. Нежные чувства сопровождалась для меня тогда новыми, интересными, зажигательными впечатлениями. Даже когда мы просто обнимались с Таей, то я возбуждался сразу и очень сильно, ведь никогда ранее я не ощущал в объятиях нежное женское тело, не знал момента, когда к тебе прикасается грудь девушки, не чувствовал так близко запах ее духов и волос. Мы с Таей гуляли по паркам, ходили в гости, в кино и в театр, но самым интересным времяпрепровождением было сидеть у нее в комнате и ласкать друг друга. Обычно она садилась за письменный стол, а я рядом на диван и через какое-то время клал свою голову ей на колени и заглядывал под нижний край футболки. Тая всегда

перед встречей со мной заранее снимала бюстгальтер, и, лежа на ее коленях, я восхищался видом упругой обнаженной груди. К тому же я не просто смотрел, а нежно ласкал и целовал ее грудь, ведь ко всему, что было выше пояса девушки, мне было разрешено притрагиваться, целовать и гладить. Тая иногда закрывала глаза от неги и удовольствия. Однако она хотела не только получать, но и давать удовольствие мне. Пока я лежал на ее коленках, Тая ласкала меня. Я выгибался в спине, как девушка на скульптурах Огюста Родена, закрывал глаза, впивался губами в живот Таи и чувствовал каждый пальчик на ее руке. Тем более что со своей стороны я никаких ограничений для Таи не ставил.

Это были одни из самых счастливых дней. Пришла новая эпоха в жизни – студенчество, в которое у тебя появляются первые деньги, девушки, любовь или, скорее, влюбленность, возникающая прежде всего на сексуальном влечении, а не на порывах души. В эти годы я начал впервые познавать интимную близость и получать от этого неизвестное ранее чувство наслаждения.

Воздушные любовные отношения продолжались у нас с Таей почти год. Мы вместе встретили новый, 1985 год, а потом отметили и 23 февраля, на который мне Тая вручила красивый сувенир. Мне тоже захотелось своей девушке на 8 Марта сделать приятное, и не просто купить подарок, а сделать его своими руками, чтобы она оценила, как я ее люблю. В связи с этим я начал вечерами делать дома картину

из цветной тонкой проволоки с рисунком Ивана-царевича и Жар-птицы. Чтобы сделать сюрприз, я говорил Тае, что мне надо готовиться либо к соревнованиям, либо делать домашнее задание по предметам института. Думал, что если девушка любит, то две недели разлуки она обязательно выдержит. Не знал тогда, что девушкам постоянно нужно внимание, и если его долго нет, то большинство девушек быстро находят себе другого ухажера.

Наконец настал долгожданный праздник 8 Марта, и я торжественно вручил Тае свою картину, сказав, что в течение двух недель делал ее до поздней ночи для своей любимой. Но, к своему сожалению, не увидел в глазах Таи не только благодарности за этот эксклюзивный подарок, но даже заинтересованности в нем. Кроме этого, в процессе общения я почувствовал, что Тая несколько отстранилась от меня, но связал это с тем, что мы долго не встречались. Я был уверен, что подарок и то, что мы теперь будем постоянно вместе, восстановят теплоту наших отношений.

8 Марта мы поехали отмечать к родственникам Таи. За столом без умолку моя девушка с горящими глазами рассказывала присутствующим, как мальчишки из ее группы в институте вчера поздравляли девчонок. Особенно среди мальчишек, по словам Таи, отличался Паша Калобков, который пел под гитару, красиво говорил тосты и был звездой всего праздника. Я и раньше слышал, конечно же, рассказы моей девушки про этого Пашу, который недавно пришел из ар-

мии, был высоким и симпатичным парнем и за которым бежали почти все девчонки института. Однако ранее Тая всегда в своих рассказах говорила, что Паша ей не нравится, потому что слишком заносчив, циничен и бабник. Но в тот праздничный вечер я почувствовал, что Паша ей стал интересен. Наверное, человек способен лишь на определенный объем любви к противоположному полу. Если он любит одного человека, то весь объем нежности отдает своему единственному. Но когда появляется любовный треугольник, то, как во взаимосвязанных сосудах, чувства от одного человека вдруг переливаются к другому. Естественно тот, который теряет эти чувства, сразу же ощущает недостаток теплоты со стороны партнера.

Так впервые в жизни я почувствовал ревность к своей любимой девушке. Поэтому, когда мы ушли из гостей и стояли на остановке в ожидании автобуса, я обнял Таю, поцеловал в щечку и, пристально глядя ей в глаза, спросил:

– Тая, ты меня любишь?

– Да, люблю. Я тебе об этом уже много раз говорила, – ответила она, не отводя взгляд.

Однако тревожность моя не прошла, потому что это был уже не тот взгляд, от которого всегда начинало сильно колотиться сердце.

– Давай завтра в театр имени Лермонтова сходим? Завтра выходной, а в этом театре все спектакли хорошие, ведь его труппа считается лучшей в Казахстане.

– Давай. Я с удовольствием, – ответила Тая.

– Тогда я возьму билеты на шесть вечера и часа в четыре зайду к тебе домой?

– Договорились, буду тебя с нетерпением ждать, Слава.

* * *

На следующий день с утра я съездил за билетами и, как обещал, к четырем часам дня пришел к Тае домой. На звонок вышла ее мама и сказала, что Таи дома нет и когда она будет – неизвестно. Ее мама всегда относилась ко мне душевно, тепло, гостеприимно. Знала про наши отношения, потому что Тая делилась с матерью своими чувствами и переживаниями, как с подругой. Да и потом, учась в школе, я иногда встречал мать Таи, которая всегда со мной была более приветливой, чем с остальными ребятами. Однако в тот день ответ матери Таи прозвучал так, как будто я уже год каждый день добиваюсь встречи с ее дочерью вопреки желанию матери. Мне ничего не оставалось, как ретироваться. Возвратившись домой, я несколько раз звонил Тае, но либо никто не отвечал, либо ее мама холодно и неприветливо говорила о том, что Таи все так же нет.

Когда до начала спектакля оставалось минут 40, я отдал билеты в театр своим родителям. Они быстро собрались и уехали на такси. Я же продолжал каждые полчаса звонить Тае домой, но безрезультатно. Прошло часа три, наступил

поздний вечер. На улице стемнело. Из театра вернулись мои родители. Когда я открыл им входную дверь, то увидел, что лица у них невеселые. Мама сняла пальто и тихо сказала:

– Сынок, мы Таю видели.

– А где? – печально спросил я.

– Она шла в обнимку с каким-то парнем, – ответила мама.

После этих слов я опустил голову, на душе стало так тоскливо и горько, как будто жизнь заканчивается.

– Ты только не переживай, у тебя все еще впереди, будет много хороших девочек, – пыталась успокоить меня мама.

Я молча, понуро развернулся и пошел к себе в комнату. Там закрылся и лег на кровать. Было очень обидно, что Тая так со мной поступила.

«Она же вчера только сказала, что любит меня, – думал я. – Сказала, глядя в глаза. А это как клятва. Такими словами не бросаются. Многие люди вообще боятся произносить эти три слова в течение всей жизни, даже когда долго любят своего партнера, потому что данные слова предполагают сразу же и некоторые обязанности по заботе и верности к любимому».

Пролежав на своей кровати около часа, я решил выяснить все до конца в этот же вечер, потому что на душе было очень тяжело и надо было от этой боли избавляться. Около десяти часов вечера я оделся и пошел к Тае. Шел как в тумане, меня знобило и колотило, ноги автоматически передвигались, и что происходило вокруг меня, я не замечал. Мне не хоте-

лось идти к Тае, но я себя заставлял это сделать, так как надо было быстрее выяснить наши отношения. По дороге думал, что же мне нужно сказать, как лучше поступить в этой ситуации. Говорить ли ей, что ее видели в обнимку с другим парнем, спрашивать ли, кто это, напоминать ли ей слова, которые она мне вчера сказала, глядя в глаза? Кричать ли на нее, укорять ли? А если она скажет, что ни с кем не гуляла, что мои родители врут, потому что ошиблись? Много было вопросов, на которые я так и не ответил, пока шел к дому своей любимой.

Не зная, как поступить, я нажал на кнопку звонка. Через минуту дверь открылась. На пороге стояла Тая.

– Привет, – с улыбкой сказала она, но это была не та улыбка, с которой она меня раньше всегда встречала, – Пойдем ко мне в комнату.

Проходя по коридору, мы столкнулись с ее мамой, которая была так же со мной холодна, как и пару часов назад, и даже ринулась остановить меня, не пускать в комнату дочери, но Тая еле уловим движением руки и мимикой дала ей понять, что все нормально и нечего беспокоиться.

Зайдя в комнату Таи, я увидел парня в очках с большой оправой, рыжего, худого и высокого, на вид ему было лет 25. Он сидел на диване рядом с письменным столом на моем месте – на том месте, где еще недавно сидел я, когда Тая меня ласкала. В комнате был полумрак, потому что горела лишь настольная лампа. Парень встал, протянул мне руку для при-

ветствия и назвал свое имя.

– Паша.

– Слава, – пожал я его руку и сел на стул у стола.

Тая присела на диван рядом с Пашей и, глядя мне в глаза, цинично улыбаясь, произнесла несколько высокомерно:

– Ну и что мы будем делать?

Понятно, что ее вопрос был адресован именно мне. При чем вопрос прозвучал, как показалось, не только от Таи, а от них обоих, близко сидевших друг к другу напротив меня, на диване.

Я посмотрел в глаза Тае. Сидящий рядом с ней парень меня в тот момент совершенно не интересовал. Выбор в таких ситуациях делают не мужчины, а женщина. Если она выберет меня, я буду за нее биться, бороться, рвать соперника зубами. Но я ничего для себя теплого в ее взгляде не нашел. Никакой поддержки. Все, что было между нами, она к этому моменту забыла как неинтересное и пройденное. А все прекрасное ее ждало только впереди, но уже с другим, а не со мной.

На мгновение повисло молчание. Потом я произнес:

– А ничего не будем делать. Прощай. Будь счастлива, – я встал из-за стола и медленно пошел из комнаты.

У входной двери меня нагнала Тая:

– Слава, возьми свою книгу, которую ты давал мне почитать, – сказала она совершенно другим голосом, нежели раньше. Голосом, в котором появились нотки сомнения,

неуверенности в своих действиях из-за неожиданного развития ситуации.

Возможно, Тая ждала яркой, красивой борьбы мужчин за нее. Может быть, даже ожидала драки или по крайней мере словесной перепалки, которую она прекратит, как королева, и окончательно укажет одному из рыцарей уйти в небытие. Два таких красавца, умника, лучшие в своих группах, спортивные, интеллигентные и интересные парни, за которыми бегают многие девчонки, будут сейчас биться только за нее одну, за ее расположение, за ее любовь к ним. Но один из них почему-то отказался от этой борьбы. Почему? Может, он ее не любит? Нет, этого не может быть. Любит, точно, она уверена, он и сам об этом говорил, и она это чувствовала. Может, он трус? Тоже нет. Она его хорошо знает почти два года. Видела, как он дрался со старшеклассниками и был уважаем ребятами из своего класса. Так почему идет все не так, как она предполагала?

Вернувшись домой, я в ту ночь не смог заснуть. Хотелось даже проплакаться, но слезы не шли. Утром еле смог заставить себя выйти на обязательную для спортсмена пробежку. Ускоренный от физической нагрузки кровяной поток вывел из мозга накопленный от ночных переживаний яд, и голова стала более ясной. За следующие два дня я написал Тае поэму о любви на 12 рукописных листах общей тетради, в которой пытался рассказать о переживаниях, о нашей разлуке, о том, что страдаю и могу простить ее измену, если она вер-

нется ко мне. Это были мои первые стихи. Поздней ночью я отнес конверт с поэмой к ее дому и бросил в почтовый ящик. Но в течение недели никакого ответа не было.

В последующие дни я специально с головой ушел в учебу и тренировки, гнал от себя любые мысли о случившейся разлуке, о Тае, о Паше, о бывшей близости с любимой, но душевного спокойствия так и не обрел. Юноша, как говорят психологи, во время влюбленности часто переживает измену не из-за того, что теряет навечно какую-нибудь девушку, а из-за того, что ущемляется при потере его собственное «я», его личное достоинство, его чувства. Ведь его предпочли кому-то другому, а значит, он хуже. А это очень обидно для собственного молодого «эго».

По жизни я всегда был оптимист и в некотором роде даже фаталист. «Все, что ни делается, – все к лучшему» – было одним моим девизом. А вторым, и основным, пронесенным через всю жизнь, был девиз: «Если не знаешь что делать, делай шаг вперед». И я решил уйти от любовных переживаний и душевных страданий на службу в армию.

Глава 2

Армия

По закону в армию призывали с 18 лет, но я, насмотревшись еженедельной телевизионной воскресной программы «Служу Советскому Союзу», в которой с пиаровским высококлассным мастерством рассказывалось о том, как парней обучают стрелять из автоматов, гранатометов и минометов, ездить на танках и накачивать мускулатуру в ежедневных физических многочасовых занятиях, решил попроситься в армию в 17 лет. У каждого военкомата существовал план по количеству призывников, а план в Советском Союзе был основной движущей силой прогресса. В связи с этим мне с радостью пошли на уступки в военкомате и призвали в семнадцатилетнем возрасте в непобедимую и легендарную Советскую армию.

На проводы в армию собрали гостей, родственников и друзей. Пришел и мой тренер по легкой атлетике Виктор Иванович, который после того, как изрядно выпил, начал меня наставлять, чтобы я в армии не выделялся ничем от солдат своего призыва.

– Идут все драить полы – и ты иди, – учил меня Виктор Иванович. – Иначе попадешь, Славдон, позже в такую ситуацию, когда будешь на побегушках у своего же призыва.

Вот, к примеру, когда я служил, то один парень сошелся через земляков с «дедами» и отдыхал в их компании, когда наших пацанов заставляли работать. Ну, ничего, через полгода его земляки стали дембелями и ушли, а мы стали «дедушками». Тогда мы этому сослуживцу все припомнили и обратно в свою компанию «дедов» уже не приняли. Отфигачили как-то вечером его втемную сапогами и заставили пахать вместе с молодняком. Так он и работал до самого своего дембеля наравне с «духами». А на дембель ушел, как чмо, грязный и зашуганный.

То, что рассказывал мне выпивший тренер о дедовщине, о каких-то жестоких порядках, о воровстве и подлости, никак не сочеталось с тем, что я видел по телевизору в программе «Служу Советскому Союзу» и в патриотических фильмах типа: «В зоне особого внимания», «Ответный ход» или «Одиночное плавание», поэтому я одновременно и хотел идти в армию, и побаивался ее из-за неизвестности. Причем боялся не физических нагрузок и не драк с дедами, потому что был уверен в своих силах, как каждый здоровый парень, а опасался того, что не знал, как правильно себя вести, какие там законы, чтобы с самого начала не опозориться, не унижаться и не уронить свою честь.

В алма-атинском военкомате я провел четыре дня в душном большом зале, где пришлось спать на деревянных нарах без матраса и подушек, ожидая офицера, который нашу группу должен был повезти в воинскую часть. За это время

была возможность сбежать ночью домой, чтобы еще раз увидеть родных, вкусно поесть и выспаться на мягкой кровати, но я решил – ушел так ушел. Вернусь только через два года или раньше, если заслужу отпуск.

Наконец настал день, когда нас, человек 10–12 призывников, забрал лейтенант с черными погонами, с нашивкой танковых войск и повез в аэропорт.

Самолет Ил-76 был полностью забит призывниками, и вскоре среди них прошел слух, что мы летим в Хабаровск. Стало веселее, ведь по дурасти хотелось улететь подальше от дома, чтобы посмотреть другие места, иную природу. Все-таки в России ни разу не был, да и на самом ее краю, на Камчатке, побывать, может быть, в жизни никогда больше не придется.

Когда приземлились в аэропорту назначения, то очень хотелось спать, так как в Алма-Ате было только четыре часа ночи, а в Хабаровске уже во всю силу светило солнце. Трех человек из всего самолета призывников, включая меня, направили в хабаровскую учебную часть – учебку, как ее все называли. Оказалось, что я попал по разнарядке в учебку, которая готовила военных медицинских работников – медбратьев. Сначала я расстроился, что попал не в танковые войска, но потом успокоился, так как после полугодовой подготовки и обучения в этой части меня могли затем направить в любые войска. В том числе и в танковые, и даже в мечту всех мальчишек – воздушно-десантные войска, а значит, домой я

после армии придут в красивой военной форме, а не с белым колпаком медбрата на голове.

Когда меня привели в казарму, то я сначала опешил – все рядовые солдаты бегали с широко открытыми испуганными глазами, почти никто шагом не ходил. Кругом в помещении была идеальная чистота, полы надраены, все кровати заправлены одинаково – подушки на всех постелях, казалось, были выровнены по ниточке, а белые полосы на синих шерстяных одеялах строго переходили, не искажаясь, от кровати к кровати по четкой прямой линии.

Дежурный сержант в роте определил меня во взвод, молодые солдаты которого уже 20 дней были в этой учебке. В нашем здании было пять этажей, и на каждом из них находилась одна рота, в которой было четыре взвода. Взвод, в свою очередь, делился на три отделения, в которых числилось по 10 парней. Всеми рядовыми в нашей роте командовали шесть сержантов, ранее отслуживших рядовыми в этой учебной части. Сержанты учили нас тому, через что сами год-полтора назад прошли. Среди них была своя иерархия, в зависимости от срока службы. Вверху иерархической лестницы стояли дембеля, которым оставалось служить два-три месяца. Приказ об увольнении в запас уже вышел, и они просто ожидали молодую смену из призывников. После дембелей по армейской неписаной иерархии шли «деды», которым оставалось до приказа об увольнении в запас еще полгода. Затем шли «черпаки», прослужившие год, и соответственно

столько же им еще оставалось. За «черпаками» по иерархии находились «молодые» – это те, кто прослужил от полугода до года. И, наконец, совсем бесправными по армейским понятиям были «духи», которые не проходили в сапогах даже полгода. Согласно армейским законам, дембеля вообще ничего не должны были делать. Это касалось не только общих заданий и выполнения приказов офицеров, но даже личных дел. К примеру, для дембеля было западло, не по армейским понятиям помыть свою посуду после того, как вечером в кладовке он поел жареную картошку, или постирать свою одежду да почистить свои сапоги. «Деды», как и дембеля, тоже старались ничего не делать, но должны были руководить процессом, командовать «черпаками» и «духами», добиваться выполнения приказов, поставленных офицерами и дембелями. Причем организовывали за «дедов» в основном всю работу «черпаки», которые тоже старались, чтобы получить авторитет, ничего не делать. Таким образом, на каждой ступени иерархии шла борьба за власть, за то, чтобы ничего не делать и тем самым обладать большим уважением. На мой взгляд, это полностью прогнившая система армейских взаимоотношений.

Однако эта иерархия касалась только тех старослужащих, которые не превратились в животных, не унизились до того, чтобы от голода вытаскивать остатки еды из помойных ящиков. А ведь были и такие даже среди дембелей и «дедов». Они опустились на самое дно бесчестия с первых дней

своей службы, и их все сторонились. Представьте себе бомжей, которых мы видим иногда на городских улицах, но только представьте, что они находятся в армии и одеты в военную форму. Слабые духом парни, потерявшие после первых армейских трудностей собственное достоинство, начинали с голодухи есть на помойках. Таких людей презирали все солдаты и офицеры на протяжении всей службы. Их заставляли делать самую тяжелую работу, и они никогда днем, а часто и ночью не отдыхали, потому что всегда кто-нибудь давал им поручение. Эти солдаты всегда были нечистоплотны, ходили грязные и вонючие. Бывало, что все бойцы отделения были в запачканной форме, к примеру, после десятичасовой разгрузки вагонов угля или цемента, но как-то за день-два солдаты успевали постираться в холодной воде или в бензине и опять ходили в чистой одежде. Кстати, бензин, как я узнал в армии, моментально отстирывает жирные пятна лучше любой химчистки. Засунешь грязную форму в ведро с бензином и можешь через пять минут вытаскивать ее абсолютно чистой. Правда, ходить в постиранной в бензине гимнастёрке не очень приятно, а запасной у солдата нет. Мокрая ли форма после осеннего холодного дождя, вонючая ли от бензина или грязная от угля – все равно, солдат только в ней и ходит, другой ему страна не дает. И никто солдату не даст днем времени на то, чтобы высушить мокрую одежду или постирать грязную. Придет ночь – вот тогда и стирай после отбоя, а утром одевай не успевшую просохнуть и бегом на

холодный ветерок для физической зарядки.

Говорят, что дедовщина как всеми признаваемый, даже некоторыми офицерами, порядок вещей зародилась после того, как Советская армия перешла с трех лет срочной службы на два года. Именно ребята последнего трехлетнего призыва, которым пришлось на один год больше быть в этом рабстве, и установили такие правила. Конечно, многое зависело от офицеров и кое-где в воинских частях даже дембеля вкалывали днем почти так же, как и все остальные солдаты на «общественных» работах (разгрузка вагонов со стройматериалами, с углем, цементом; строительство домов, копанье ям, траншей и т. п.). Причем большая часть такой работы не относилась к армейской подготовке никоим образом, а была бартерным обменом на что-либо между армейским и городским руководством либо решала личные дела командования части, полка, роты. Это, по сути своей, бесплатный рабский труд с привлечением бесправного солдата – защитника Родины. Однако подобные армейские устои в славной программе «Служу Советскому Союзу» не показывали, и они болезненно открывались каждому молодому солдату, в том числе и мне, в самом начале службы.

В первые армейские часы сержант Косолапов, высокий, широкоплечий парень со светлыми волосами и крестьянским типом лица, показал мне мою кровать, выдал форму, портянки и кирзовые сапоги. Через некоторое время после того, как я переоделся в униформу, прозвучала команда на

построение. Меня представили сослуживцам очень коротко и быстро. Потом прозвучали команды «Направо» и «В столовую бегом – марш», и колонна молодых бойцов громко застучала каблуками по бетонной лестнице. Сержанты всегда бегали в кедах, а солдаты – в сапогах. При этом новые, еще не растоптанные сапоги способствовали быстрому образованию мозолей, которые потом становились кровавыми и доставляли новобранцам страшные мучения даже при ходьбе, не говоря уже о беге. К тому же анахронизм армии, пережиток старины – портянки – не каждый умел быстро наматывать при подъеме, поэтому портянки в сапоге скомкивались, слезали с голени и приходилось при беге соприкасаться голыми голеностопными связками с твердой внутренней поверхностью кирзовой обуви. К тому же мои новые сапоги кто-то спер в первую же ночь, подсунув старые, от которых я заразил ноги грибком. При этом обратиться в медсанчасть после заражения никто не позволил. В армии молодого бойца к врачу отправляли только в крайних случаях, поэтому ни о каком лечении речи и быть не могло. Зуд меж пальцев ног и стертая кожа с кровавых мозолей были одними из самых больших проблем первых дней моего пребывания в учебке. Другими проблемами были голод, недосыпание, жестокость сержантов и психологическая усталость.

Когда я впервые попал со своим отделением на обед, я был в шоке не только из-за того, что успел лишь немного похлебать жидкого супа за те три-четыре минуты, в течение кото-

рого длился прием пищи, но и качеством еды, и поведением моих сослуживцев. Мы добежали до большого зала столовой, где стояли длинные столы на 12–15 человек со скамейками. Затем прошли вдоль нашего стола, протиснувшись между ним и скамейкой. Остановились каждый напротив тарелки и стали ждать команду сержанта: «Приступить к приему пищи». Если кто-то из солдат без разрешения усаживался за стол или хватал еду, то он получал пинок от сержанта, грубый трехэтажный мат и лишался обеда. И после долгожданной команды сержанта все как будто сорвались с цепи. Быстро мазали масло на хлеб и глотали, не пережевывая. Я глядел на все это с ужасом и удивлением. Я не торопился, потому что еще не знал, что на обед отводится не более 4 минут – по словам сержантов, столько может уходить на обед в течение боя и поэтому всем всегда надо быстро есть. Тем более мне в первый день, несмотря на голод, еда в столовой мне показалась отвратительной. Суп представлял собой баланду, в которой плавали лук и большие куски сала, а второе блюдо – перловая каша была сварена на воде и слиплась в кастрюле большим комком, к тому же немного пригорела. Я успел только похлебать немного этой баланды и съел кусок хлеба.

Так продолжалось два дня, а потом голод взял свое. Я тоже стал подобен животному и хотел есть всегда – и днем, и ночью. Более того, через неделю постоянного голодания и недоедания у меня при приеме пищи начиналось сильное

слюноотделение и учащенное дыхание. Я с несказанным удовольствием глотал те вареные куски жира из супа, как голодная собака глотает, не пережевывая, куски свежего мяса. До армии я видел, что с такой же жадностью, обильным слюноотделением и злобой едят собаки, когда голодны. Причем так было не только у меня, а у всех в нашем отделении молодых солдат. И даже позже, уже на гражданке, я встретил одноклассника, который отслужил в армии 1,5 года и пришел домой в отпуск, но все так же, с подобными признаками сильного и продолжительного голода ел у меня дома, когда зашел в гости. Значит, такая идиотская система быстрого приема пищи была не только в нашей учебке, но и в некоторых других частях Советской армии. Так на практике я впервые увидел, что человек может очень быстро стать животным, забыть правила интеллигентного поведения за столом, драться с товарищами за масло или яйца, если этот человек давно голоден. Когда личность голодна, то там уже не до соблюдения правил приличия, там действуют волчьи законы. И этому способствовало ублюдочное поведение сержантов части. С такой быстротой ели все в той столовой. Видимо, данный порядок установили для того, чтобы все призывники прошли через те же лишения, через которые когда-то прошли сержанты. Не думаю, что к такому режиму питания были причастны офицеры этой учебки, которых я почти не видел за 20 дней нахождения в этой части. Все-таки офицеры были более человечны в годы моей службы в армии, чем

сослуживцы. Но отсутствие должного контроля за тем, что происходит в казармах, и неправильная, на мой взгляд, система подготовки сержантского состава для войск привели к этим перегибам, от которых и началось уклонение молодых людей от призыва в армию любым путем, за любые деньги.

Кроме проблемы голода и кровавых мозолей, в нашей учебке присутствовало унижение достоинства личности. Ведь психологически сломанным человеком легче управлять, легче заставить делать его любую работу, можно так же безнаказанно унижать его и даже избивать, как безмолвную подвешенную грушу в боксерском зале.

Конечно же, и мне пришлось попасть под сержантскую методику унижения достоинства. Несмотря на то что я был солдатом дисциплинированным, не лентяем, в физических упражнениях не отстающим, я все равно через несколько дней впервые столкнулся с сержантским наездом. А все произошло из-за того, что наше отделение каждые сутки в 2 или 3 часа ночи поднимал какой-нибудь сержант, приказывал встать в трусах, майках и сапогах около кроватей и начинал на протяжении полутора часов читать нотации усталым новобранцам. За день кто-нибудь из наших бойцов всегда немного в чем-то мог провиниться. То кто-нибудь чуть-чуть опоздает на построение, то произойдет конфликт между солдатами в столовой, то у кого-то неправильно подшит воротничок гимнастерки, то не до блеска начищены сапоги,

то кто-нибудь попытался покурить без разрешения. Любое незначительное происшествие было поводом для старослужащих поднимать ночью все отделение и «воспитывать командный дух» длительными нудными нотациями. В общем, как говорится, «докопаться при желании можно и до столба». А молодые солдаты, которых поднимали ночью, ничего в этих нотациях не понимали. Потому что все были сонные, замученные этими новыми условиями жизни, рабством, голоданием, неимением свободы и денег, неимением даже своего места и тумбочки, которая запиралась бы и в которую можно было бы положить письма, деньги или фотографии.

Как-то через неделю в курилке двое самых высоких и здоровых парней нашего отделения начали уговаривать курсантов, чтобы никто ночью не вставал по приказу сержантов. Все согласились, в том числе и я. Все так все, зачем отделяться от товарищей, тем более что мне было всегда ночью тяжело вставать.

Пришла ночь. После команды «Отбой» молодые бойцы засыпали из-за усталости в тот же момент, как только голова касалась подушки. Однако поздней ночью меня толкнул сержант Виндорук, молдаванин, и сказал, чтобы я поднимался. Я сел на кровати, соображая, где я нахожусь, и вижу, что никто из солдат не стоит. Вспомнил вчерашний уговор, что никому не надо вставать.

Виндорук увидел этот стрелецкий бунт и позвал на помощь других сержантов. Скоро их стояло уже пять человек

около нашего отделения. Каждый сержант обрабатывал своих «духов». Все шло в дело убеждения молодых: трехэтажный мат, удары, пинки, ссылки на Устав, по которому мы обязаны подчиняться старшему по званию, угрозы лишения обеда, гауптвахта и высылки из учебки в войска, где молодого солдата оттрахают в первый же день в задницу. Через некоторое время прессинга все молодые солдаты отделения уже стояли около своих кроватей, кроме двух курсантов: не встал я и парнишка-еврей, спавший через койку от меня. Он был маленький ростом, худенький, но стойкий. Мы оба перевернулись на живот и схватились за металлическую сетку, чтобы нас не стащили с кровати сержанты. Когда им это не удалось, они начали бить нас сапогами, которые держали в руках. По лицу не били, опасаясь синяков и разборок с офицерами, но по спине, по почкам, по ногам колотили изрядно. Но мы с евреем не ослабили захвата и не встали с кровати. Устав с нами бороться, сержанты начали говорить всем остальным солдатам нашего отделения, что теперь они будут стоять до тех пор, пока мы вдвоем не встанем. Спустя несколько минут сержанты ушли перекурить, а остальным отдали приказ все так же стоять по стойке «смирно». Те самые здоровые парни из нашего отделения, которые вчера всех подговорили к бунту, начали просить нас встать. Я в ответ напомнил им, что не мы, а они сказали всем воспротивиться ночным подъемам, а сейчас не только сами встали, но и нас уговаривают. В общем, короткая перебранка с сослу-

живцами ничего не дала. Мы с евреем не встали. Не знаю, сколько отделение простояло, но я в отсутствие сержантов минут через 20 отрубился и встал только утром с подъемом. После этого случая еще в течение двух недель, пока я находился в учебке, по крайней мере меня, ночью ни разу не будили. Но зуб свой сержанты на меня положили, и вскоре им представился случай отыгаться, но об этом расскажу чуть позже.

В учебке я пробыл 25 дней. Автомат держал за это время лишь однажды – на присяге. Зато успел побывать несколько раз в Хабаровске на неоплачиваемой работе: долбил асфальт около центрального стадиона, копал городскую траншею под теплотрассу, смотря на величественный Амур. Там, во время этих работ, совсем рядом была желанная свобода, и к ней меня так сильно тянуло. Многие новобранцы из армии убегали, но в Советском Союзе тогда даже исчезнувший пистолет считался чрезвычайным происшествием на всю страну и его, как правило, быстро находили, не говоря уже о беглом солдате. Все было у властей под контролем. Но не это меня пугало, а тот факт, что стыдно было возвращаться домой сбежавшим из армии. В то время даже на тех парней, которые пытались от призыва уйти, смотрели неуважительно, а если солдат вообще из армии дезертировал, то смотрели на него с презрением. С таким позором я лично себе дальнейшую жизнь не представлял. Поэтому приходилось сжать зубы, терпеть и продолжать служить. Родители и спорт на-

учили идти вперед даже когда тяжело. Часто произносимые вслух отцом и матерью на гражданке народные поговорки «Дорогу осилит идущий» или «Глаза боятся, а руки и ноги делают» в тех условиях морально помогали.

За короткий срок в учебке я увидел и первую беспричинную жестокость, и почувствовал первый голод в жизни. Помню также свои ощущения, что вкуснее всего, когда ты сильно и давно голоден, – это серый хлеб, соль и вода. Когда тебя длительное время мучает жажда – то мечтаешь не о молоке, лимонаде, кока-коле, пиве или соке, а мечтаешь о холодной чистой воде. А когда хочешь сильно есть, то мечтаешь не о пирожном, мясе, макаронах или картошке, а о хлебе, причем не белом, а свежем сером, он тогда в армии показался мне желаннее всех продуктов.

Кроме вкусовых, в тяжелые первые армейские дни сразу определились и душевные приоритеты. Мои разум и душа однозначно и безоговорочно выбрали самого дорогого для меня человека на всей Земле – маму. Хотя, наверное, это определение касалось только меня, потому что были случаи, когда мои сослуживцы каждую минуту вспоминали свою жену или любимую девушку, рассказывали мне, что именно сейчас делает их любимая, чем занимается, были мыслями где-то далеко, рядом со своей подругой. Я же про свою любимую девушку Таю, из-за которой и рванул в армию раньше своего 18-летия, чтобы избавиться от душевных страданий, забыл уже через неделю. Не до Таи, быть бы живым. Видимо,

и не любовь это была, раз исчезла при первых трудностях. Но маму, отца, сестру часто вспоминал. Первое письмо я получил из дома, как мне тогда показалось, через целую вечность. Четыре дня в алма-атинском военкомате плюс большое расстояние для письма из Хабаровска в Алма-Ату и обратно – всего набралось дней 20 после моего ухода из дома. Помню, когда получил первое письмо из дома, то убежал из казармы без разрешения и спрятался за кирпичами стройки недалеко от нашего здания. Прочитав письмо, я заплакал. Это были мои первые слезы, наверное, после детского сада. Мне очень сильно захотелось домой, но я понимал, что ничего нельзя сделать и впереди еще почти два года этого бреда. Мама писала, что ей скучно в выходные почти целыми днями лежать на диване и читать книгу. Тогда у нас еще не было дачи, и мама, будучи трудолюбивым и деятельным человеком, страдала от безделья. «Мне бы ваши проблемы», – подумал я тогда и кисло улыбнулся. Потом вытер слезы, взял ноги в руки и пошел в свою тюрьму.

А еще через день после этого случился инцидент, который повлиял на мою дальнейшую армейскую судьбу.

После обеда один из сержантов, Сагайдак Егор, парень двадцатилетнего возраста, низкого роста, совсем даже не атлетического телосложения, не толстый и не худой, славянской внешности, с хитрыми серыми глазками, построил всю роту на нашем этаже посередине казармы. Сагайдак был дембелем и позволял себе без оглядки на остальных сержан-

тов многие вещи. После того как Егор построил роту, он начал обходить строй с видом главнокомандующего маршала Жукова на Красной площади в День Победы. «Дедов» и дембелей тогда всегда можно было узнать по начищенным и отутюженным сапогам. При этом сапоги были на высоком, аккуратно обтесанном каблуке со множеством железных набоек, предназначенных для того, чтобы идущего «деда» было слышно издалека. Этот низкорослый полководец с походкой гусака и с выражением злобы на лице, дабы было для всех пострашнее, обходил строй и вдруг увидел, что я и часть рядом стоящих ребят смотрят не на него, великого, а куда-то вдаль, через его голову. Сагайдак обернулся и увидел предмет нашего внимания. Каким-то образом на пятый этаж забежала красивая кошка. Вся черная, чистая, с блестящей короткой шерстью, с белыми лапками и белым кончиком хвоста. Морально уставшие от новых после гражданки условий, солдаты-новобранцы воспринимали это живое существо, как нечто давно забытое и даже инопланетное. Оно было такое грациозное, красивое, свободное, гуляющее само по себе и где вздумается. Эта кошка была, несомненно, счастливее многих из нас людей – царей природы. Молодые солдаты невольно заулыбались. Слишком необычной была обстановка.

Я думал, что и Сагайдак заулыбается. Но сержант не изменил выражение лица, более того, оно стало еще тверже, еще жестче. Видимо, ему не понравилось, что кто-то нару-

шил идеальное построение его солдат. Сагайдак повернулся к нам спиной и пошел к кошке. Взяв ее за шкурку, он пошел к окну и, не доходя до окна два метра, со всего размаха выкинул кошку в открытую форточку с пятого этажа. За окном не было деревьев, там был асфальт. И не осталось никаких сомнений, что кошка разбилась насмерть.

В казарме повисла мертвая тишина. Все были изумлены, большинство испугалось. Я опешил. «За что? Зачем? Почему так?» – подумал я. Страха не было. Было непонимание ситуации и внутреннее страдание за безвинное животное. Видимо, жалость выступила у меня на лице.

– Что, Ландыш, кошку жалко стало? – цинично спросил меня Сагайдак, подойдя вплотную.

Вообще-то, когда тебя спрашивает старший по званию, то даже по Уставу требуется быстро, четко и громко отвечать, да к тому же сержанты наши зверели, если солдат сразу, мгновенно не отвечал на их вопрос. Но я в тот миг молчал. В глаза сержанту не смотрел, а смотрел прямо перед собой на стену и уже не спрашивал себя: «Зачем и почему он убил кошку?». Хотя я тогда не нашел еще ответа на этот вопрос, но уже думал о другом. Другие вопросы у меня тогда были в голове. Это были вопросы такие: «Кто рожает таких гандонов?», «Откуда берутся эти уроды?». Я продолжал молчать, но, наверное, лицо мое поменялось. Оно перестало быть жалостливое и сострадательное, оно стало другое. «Не трогай меня, пидор, уйди от греха подальше», – повторял я молча,

про себя. Взгляд у меня стал холодный, прищуренный, как будто мне тяжело было держать веки, и они спокойно опустились на небольшую высоту. Наверное, так смотрят, когда хотят убить, но не напоказ и не в гневе, а когда находятся в одиночестве перед бессильной жертвой, когда никто не видит и тебе за это ничего не будет. Мое тело в тот момент не было сжато, как пружина, но и не было также вялым, оно было спокойным и расслабленным. Так спокойно стоят, наверное, убийцы перед связанным и обреченным на смерть человеком, ожидая только писка, чтобы, не торопясь, поднять руку с пистолетом, навести дуло между смотрящими на тебя жалостливыми глазами жертвы и нажать на курок. Сагайдак, видимо, увидел или почувствовал перемену во мне и быстро переключился на рядом стоящих солдат. Он сначала гневно начал придирается к бойцам по поводу их вроде бы слабо затянутого ремня, плохо подшитых белых воротничков, а постепенно удаляясь от нашего края, начал даже бить по щекам и пинать по ногам некоторых молодых солдат.

В будущем, в течение своей жизни, из собственного опыта и изучая историю, я отметил некоторую закономерность. Очень часто самыми жестокими людьми, совершающими просто бесчеловечные поступки, являются низкорослые мужчины. Наверное, их злоба начинает зарождаться еще в детстве, когда их, маленьких, а следовательно, как правило, более слабых, обижают в классах, смеются над ними, бьют не только в своем классе пацаны, но и девчонки, а иногда даже и

младшие школьники. Если низкорослый человек не смог себя утвердить еще в школе, не повысил самоуважение в спорте или не добился успехов в отличной учебе, то он приобретает комплекс неполноценности, становится позже очень жестоким по отношению к другим людям, к животным и даже к своим родным, оставаясь при этом тщедушным, неблагодарным и трусливым. Также часто низкорослые люди очень сильно стремятся к власти, чтобы при помощи ее наконец-то показать свою силу, доказать свое великое «Я» и заглушить комплексы детства. И, достигнув этой власти, творят такие вещи, которые остаются в памяти на века. Примеров много. Одни из ярких примеров – Наполеон, Сталин, Ленин. Историки пишут также, что и Ворошилов, и Буденный, и вся большевистская верхушка были очень низкорослыми. А уж об их «человечности» потомки, слава Богу, теперь знают.

Что касается Егора Сагайдака, то мне позже рассказали, что, когда он был молодым солдатом, «духом» и «черпаком», его сильно гоняли сержанты, не любили и всячески над ним издевались, унижая достоинство. И он в ответ не смог противопоставить ничего, а мирился с этим. Но вот подонок дождался своего часа и теперь отыгрывался на новом поколении молодых ребят.

После того как Сагайдак сделал обход роты, он с важным видом ушел в каптерку – небольшую комнату-склад, поручив дальнейшее командование отделениями своим сержантам-«черпакам». Роту распустили. Однако считалось, что

солдат не должен сидеть никогда без дела, поэтому нам приказали привести в порядок и так уже отглаженные одеяла на своих кроватях. Кровати должны были быть заправлены не просто аккуратно, а с зеркальным отображением друг друга. Две белые полосы на однотонных темно-синих шерстяных одеялах должны были на всех кроватях переходить друг в друга исключительно без искажений на всем протяжении от стены до стены. Подушки тоже должны были быть на одинаковом расстоянии от изголовья. Их параллельность выравнивали по длинной нитке, натянутой двумя солдатами между всеми кроватями. Ну и, наконец, самым верхом этой безрассудной работы было то, что края одеяла, подвернутого под матрас, нужно было сделать прямоугольными, а не овальными. Для этого солдат должен был взять табуретку, перевернуть ее кверху ножками и, придавливая стулом сверху одеяло по краям, бить сбоку по одеялу ладошкой или другим табуретом, чтобы создать прямоугольные стороны у одеяла, а не закругленные. И такая практика, как оказалось позже, была не только в этой учебке, а везде, где я служил. Следовательно, можно предположить, что об этом знали офицеры и это шло не от наших сержантов, а данный порядок шел от офицеров, возможно, даже с их военных училищ. В моем понимании такой порядок никак не связан с профессиональной армией. Скорее, это порядок для армии дебилов.

Ближе к вечеру, когда все одеяла, подушки, кровати, табуретки и тапочки (кожаные сланцы) около табуреток по ни-

точке поравняли, когда в десятый раз, где только можно, протерли всю пыль и вымыли полы, некоторые солдаты, не зная, что еще делать, сидели на табуретках около своих кроватей, ожидая построения на ужин. Таких свободных минут было немного, и молодые бойцы не могли ничем заняться, как только курить в курилке или сидеть тихо на табуретах около кроватей. Любой шум, громкий смех и разговоры строго воспрещались сержантами. В казарме был телевизор, но его включали для бойцов в основном чтобы посмотреть воскресную программу «Служу Советскому Союзу» и вечерние новости перед отбоем, поэтому в полутемной казарме был слышен только негромкий разговор солдат – соседей по кроватям.

В это время из сержантской комнаты вышел выпивший сержант – дембель Игнатов в тапочках, в брюках и майке. Он был коренастым малым 20–22 лет, ростом под 175 сантиметров, родом из какого-то села Костромской области. Я с ним раньше за 20 дней практически не встречался. Вечером он лежал в дальнем углу казармы на кровати, спал или что-нибудь читал. А днем, как уважаемый дембель, никогда почти в командовании бойцами участия не принимал, ибо этим занимались сержанты-«черпаки». Была суббота, и в этот день недели «деды» и дембеля часто напивались, зная, что офицеры точно в субботу вечером в казарму не придут. После того как сержанты выпили в каптерке пару бутылок водки, Игнатов вышел из кладовки и зашел в одно из отделений ка-

зармы, прошелся между кроватями, остановился посередине отделения, нагнулся к тапочкам, поднял один из них и бросил через два ряда коек в сидящего в другом отделении солдата со словами: «Вы что, совсем охренели, “духи”? Кто так тапки ставит неровно?». В том отделении казармы, где находился Игнатов, никого из солдат не было, а ближе всего к дембелю, метрах в 7–8 от него, сидели на табуретках четверо бойцов нашего отделения, в том числе и я, каждый около своей кровати. Сержант кинул тапочкой как раз в одного из нас. Все, конечно, видели Игнатова и следили за его действиями. Тапочек был запущен точно в лицо одному из солдат, но молодой боец увернулся от него. Дембель начал свирепеть.

«Ты что, гандон, уворачиваешься? Сидеть смирно!» — прошипел он.

Потом нагнулся за вторым сланцем и кинул вновь в того же солдата. В этот раз тапок пролетел мимо. Сержант тут же нагнулся за новым сланцем и вновь кинул в ту же мишень. Боец опять видел и замах, и полет тапочка, но не посмел послушаться в этот раз старшего по службе, не стал уворачиваться, и тапок попал ему в грудь. Игнатов остался доволен попаданием, но зло скомандовал: «Быстро принеси на место все тапки и поставь ровно, где они стояли». Боец, в которого попали, рванулся исполнять команду. Но пока рядовой собирал разбросанную обувь, сержанту, видимо, стало скучно, и он решил, видя страх молодых солдат, покидать

и дальше тапки, как в тире, по живым мишеням. Игнатов нагнулся за новым снарядом для метания, размахнулся и запустил тапок в другого сидящего солдата. Первый раз промазал. Запустил второй тапок и попал в плечо парню. Также, как и первому солдату, Игнатов скомандовал собирать разбросанные тапки, и боец быстро бросился исполнять задание.

Такая забава понравилась пьяному сержанту, и он решил подбить тапками оставшихся двоих солдат. В этот раз Игнатов бросил сланцем в меня, и с первого раза его бросок оказался точным. Я видел, что тапок летит мне в шею и увернулся от снаряда.

«Сидеть смирно, козел! Я что сказал!» – проорал сержант и через мгновение метнул второй тапок с еще большей силой. И опять тапок точно летел мне в область груди. Я вновь увернулся. Сержант взбеленился: «“Дух”, ты что уворачиваешься? Ты что, чмо, совсем опупел?».

С трехэтажным матом он пошел ко мне быстрым шагом. Я вскочил со стула и решил не терпеть дальше унижения, встал в боксерскую стойку, выставил левую ногу чуть вперед, согнул руки, сжал кулаки и держал их на уровне подбородка, готовый ответить ударом на удар. Сам первым я не нападаю, так как мне не нужна была победа в этом поединке, грозящая, может быть, избиением от всех сержантов, в том числе ночью втемную, когда тебе накидывают на голову одеяло и ты так и не узнаешь, кто тебя бил ногами по лицу и почкам.

Однако природная гордость не позволила терпеть кидание в меня грязной обувью. Для меня это было унижением, поэтому я решился на конфликт с дембелем. Игнатов подошел на расстояние двух шагов и казался мне в тот момент очень здоровым парнем. Несмотря на то что он был ростом на пару сантиметров меньше меня, но зато более широк в плечах, упитан и накачан по сравнению со мной. Его вес примерно был 85–87 килограммов, я же, уходя в армию, активно занимался бегом на средние дистанции и был худ и строен с весом в 69 килограммов, а за первые три недели армейских условий с недоеданием и психологическими переживаниями похудел до 63 килограммов. Кожа да кости, а не солдат. Ветром сдувало. Кроме того, сержанту было по минимуму тогда 20 лет, а мне, как я уже писал, только семнадцать. А в возрасте до 25 лет, пока организм развивается, разница даже в один год очень внешне заметна и существенна. В школе семиклассника легко отличить от восьмиклассника, а тем более от десятиклассника. Сержант подошел на близкое расстояние и пытался нанести удар ногой. Я отступил на полшага назад, и пролетевшая нога противника меня не коснулась. В следующее мгновение уже я сделал выпад вперед и хотел ударить прямой правой рукой в голову сержанта. Но Игнатов отклонился в сторону от удара, сделал шаг назад, выпрямился и не решался больше подходить ко мне. Я почувствовал, что он трухнул и засомневался в своем успехе. Физическая сила была явно на его стороне, но то ли из-за того, что он

давно уже не получал сопротивления от молодых солдат, то ли из-за того, что ему совершенно не нужны были какие-нибудь проблемы перед скорым дембелем, но сержант не стал продолжать агрессивных движений. Однако терять лицо ему тоже не хотелось, и он начал кричать на меня.

– Э, ты откуда такой борзый? – спросил он.

– Я из Алма-Аты, – ответил я зло.

– Ты почему приказы старших не выполняешь? На губу или в дисбат захотел?

– Я не считаю себя мишенью для грязных тапок. Такого пункта нет в Уставе.

К этому моменту рядом с Игнатьевым уже стояли четыре сержанта, которые вышли на громкий мат своего сотоварища, когда он ринулся ко мне. Среди них был Сагайдак Егор.

Он выступил чуть впереди сержантов и сказал мне достаточно спокойно:

– Хорошо, Ландыш, давай действовать только по Уставу. Подтяни, во-первых, свой ремень, у тебя он болтается. Так не положено по Уставу.

Я подтянул ремень, заправил гимнастерку, несколько вылезшую во время активных движений.

– Так, теперь внешний вид в порядке, – продолжал Сагайдак, – А сейчас будем тренировать всем отделением отбой-подъем за 45 секунд, которые положены по Уставу. Ваше отделение не справилось сегодня утром с этим нормативом, вот сейчас из-за твоих действий мы всех снова и потре-

нируем.

«Отделение! Становись!» – крикнул Сагайдак, и через несколько мгновений все 10 человек нашего отделения уже стояли посередине казармы.

«Смирно! Отделение! Отбой!» – прозвучала команда сержанта, и все бросились быстро к своим табуреткам, чтобы раздеться до трусов и маек, аккуратно разложить на табуретке свою форму и залезть под одеяло. На все действие после команды сержанта отводилось 45 секунд. Я уже научился успевать за это время выполнить данное задание, но в отделении было много недавно прибывших туркмен, которые еще медленно раздевались и одевались. А итоги подводили по всему отделению. Поэтому из-за туркмен в тот раз нас гоняли минут 30 по команде «отбой» и «подъем» до самого ужина. А потом еще и перед отбоем. Но это меня уже не особенно тяготило, так как инцидент с тапочками разрешился для меня удачно. Я показал почти при всех сержантах, что готов на отпор любому, если он вздумает меня унижать.

Ночами наше отделение перестали будить, несмотря на то что из-за новоприбывших двух туркмен у нас всегда днем были замечания. Бедные азиаты были не городскими жителями, а из горных аулов, русского языка совершенно не знали, и первое время из-за них отделение что-нибудь не успевало или делало не так. Туркмены даже не понимали юмор, когда им со смехом переводили некоторые слова прапорщика или сержантов. Например, такие выражения из армейско-

го фольклора, как: «Начинаем, когда услышите три зеленых свистка», «От меня до следующего пня, бегом марш», «Сегодня копаем от забора и до ужина» или «Куст – это несколько растений, произрастающих из одного места».

Однако в экстремальной ситуации туркмены быстро учились, так как получали пинки от сержантов. Первые русские слова один туркмен произнес уже на второй день в столовой. Это ребенок первое слово в своей жизни произносит «Мама», а туркмен в армии сказал с акцентом: «Дай масло». Жрать захочешь, быстро научишься говорить на любом языке. А первый русский мат туркмен произнес через три дня пребывания в учебке. Как-то наше отделение долго тренировали поздно вечером по команде «отбой-подъем». Наверное, час целый мучили. Потом наконец сержанты сказали: «Все, конец. Можно сходить в туалет и спать». Тогда один маленький туркмен, где-то всего полтора метра ростом, в больших синих трусах и серой майке, сел на кровати и, тоскливо смотря в окно, сгорбившись от усталости, глубоко вздохнул и тихо произнес не для кого-то, а самому себе, можно сказать, у него вырвался вздох души: «Ой, бля-я-я-ять».

Наверное, в туркменском языке нет слов, которыми можно передать вздох отчаявшейся души и для таких случаев подходит только мат из великого и могучего русского языка. Когда я услышал этого туркмена, то в первый раз за 20 дней пребывания в этом аду улыбнулся. А потом подумал, что кому-то здесь еще хуже, чем мне. Мне стало этого новобранца

жалко. Тем более что туркмены и таджики, которых недавно к нам тогда забросили, хоть и были в основном малообразованные, но в целом были людьми хорошими, добродушными, открытыми и всем в отделении они были симпатичны.

Через неделю сержанты поняли, что научить азиатов говорить за полгода еще возможно, но обучить умению квалифицированно оказывать первую медицинскую помощь, ставить диагноз за это время просто маловероятно. Видимо, это поняли и офицеры и дали приказ – подготовить списки на выписку из учебки и направить всех плохо обучающихся солдат в войска.

Никто из молодых не знал, что скрывается под словом «войска», но сержанты в воспитательных целях нас постоянно пугали: «Боец, если будешь себя плохо вести, отправим в войска на лесоповал к азербонам, они тебя там в задницу будут каждый день иметь. Так что лучше будь дисциплинированным здесь, в учебке, глядишь, повезет, медбратом в санчасть определят, и там ты спокойно дослужишь свое. Будешь ночью в самоволки ходить, а днем в палате спать».

Как-то утром после завтрака построили всю роту в казарме и объявили, что часть роты сегодня направится в войска, так как у нас здесь перебор курсантов.

«Кого буду называть, делает шаг вперед», – сказал Сагайдак и начал зачитывать фамилии.

Все туркмены и таджики, человек 15, сделали шаг вперед. И в самом конце Сагайдак с нескрываемым удовольствием,

глядя зло мне в глаза, произнес мою фамилию. Я сильно расстроился. Так не хотелось уезжать. Ведь уже начал обзаводиться здесь друзьями, почти адаптировался к таким трудным условиям, стал получать еженедельно письма из дома, а впереди ждала неизвестность, страшная, по описаниям сержантов. Но делать нечего, не умолять же этих уродов вычеркнуть меня из списка. Что будет, то и будет, такова судьба.

Всех солдат нашей роты, кроме тех, кто должен был ехать в войска, увели на плац для строевой подготовки, а к нам подошел сержант-«черпак» Косолапов, заведующий складом, и начал поочередно спрашивать размеры одежды. Потом сказал с сочувствием нам: «Всех вас там сломают». Но через несколько секунд добавил: «Может быть, только Ландышева не смогут».

«Ну, вот и первая похвала от командования», – кисло и тоскливо подумал я.

Отправки мы ждали целый день. В поезд сели только в два часа ночи. Всего было четыре полностью забитых плацкартных вагона с молодыми солдатами. Матрасов и белья не выдали. В нашем вагоне не было ни одного славянина. Купе с туркменами, купе с таджиками, купе с дагестанцами, с азербайджанцами и другими кавказцами. Все черноволосые, везде непонятная речь. Свет в вагоне выключили, и через некоторое время поезд тронулся. Я лежал на верхней полке, смотрел в окно и долго не мог уснуть, хотя обычно в это

время в учебке засыпал мгновенно, как только оказывался в горизонтальном положении. Тогда я еще не верил в Бога, но помню, спросил у кого-то, скорее всего, у своей Судьбы: «Что же меня ожидает? За что такие мучения? Ведь не прошло еще и месяца, но уже так невыносимо тяжело, а впереди еще почти два года этого ада, этого бреда, этого рабства. Дай мне силы выдержать все это и вернуться домой уравновешенным и невредимым».

Я смотрел через окно на редкие поселки, на покосившиеся, почерневшие, деревянные срубы домов бедного, забытого цивилизацией, малонаселенного края, на темную, неизвестную тайгу. Тук-тук... тук-тук... тук... тук. Стучали колеса. Поезд шел на юг, в небольшой город Бикин, который стоит почти посередине между Хабаровском и Владивостоком в ущелье между сопками, в 18 километрах от границы с Китаем.

* * *

Здравствуйтесь, «войска»! Рано утром поезд остановился на станции Бикин, и около двухсот солдат из хабаровского эшелона отправили в большой актовЫй зал, находившийся в танковом полку на окраине города. В актовом зале солдаты расположились в креслах, как в кинотеатре, и ждали, пока их вызовут, чтобы передать какому-нибудь офицеру для дальнейшего сопровождения в роту постоянной дислокации. Я

сидел сонный, утомленный дорогой и незнанием того, что будет в дальнейшем. Через некоторое время ко мне подошел офицер в звании полковника. Это было очень высокое звание для обычных войск, ибо в крупных городах высоких званий много, потому что много офицеров работают в штабах или учатся в военных академиях. А в действующих войсках, тем более на границе, старший лейтенант уже командовал ротой, а майор мог командовать полком. Полковник же в войсках был почти что богом. И вот один из этих богов подошел ко мне. Я встал, как было положено по Уставу. Полковник спросил:

– Это твоя фамилия Ландышев?

– Так точно, товарищ полковник. Рядовой Ландышев.

Он посмотрел на меня сначала с интересом, а потом несколько с презрением и, ничего не говоря, развернулся и ушел. Гораздо позднее я предположил, что, скорее всего, это был полковник Ландышев, мой однофамилец, занимающий одну из высоких должностей в командовании дивизией. Но, видимо, когда этот офицер увидел убитый внешний вид бойца, его растоптанные сапоги, мятую и не очень чистую форму, он не захотел афишировать общность наших фамилий. К сожалению, полковник увидел только форму, но не содержание. Он не увидел взгляда солдата, который дал бы ему понять, что его однофамилец не сломан духовно. Жаль, что офицер не имел представления, что даже такая моя одежда уже была достижением, учитывая условия, в которых я на-

ходил. Однофамильцев я по жизни встречал редко. Тогда не было Интернета, и, возможно, поэтому я встречал подобную фамилию лишь однажды – в книге «Говорят погибшие герои» прочитал о лейтенанте, сложившем свою голову в Великую Отечественную войну где-то на подступах к Москве, но это был не мой родственник.

Если бы полковник Ландышев не погнушался тогда со мной поговорить, глядишь, и служба прошла бы более спокойно где-нибудь в штабе, а так меня отвели в мотострелковый показательный гвардейский полк, в 1-ю роту и назначили гранатометчиком АГС-17 (автоматического гранатомета станкового). Убийственное оружие, но тяжелое – больше 30 килограммов в снаряженном состоянии, поэтому и станковое, что означает на ножках, на треноге. И вот эту железную дуру я таскал на себе полгода, иногда на полигоне по пояс в снегу или грязи.

К моему изумлению, в войсках оказалось намного спокойнее, чем в учебке, при этом порядок и дисциплина поддерживались не хуже. Но не было этой беготни утром при подъеме и вечером при отбое. Не было звериных условий, при которых мы должны были поесть в столовой за четыре минуты, и мы спокойно ели в течение 10–15 минут, пока почти все солдаты отделения не заканчивали прием пищи. Кроме этого, в свободное время солдаты имели право в отличие от учебки находиться не только в казарме, но и могли выходить на территорию части, заниматься на спортгородке, посетить

чепок (магазин на территории части), пойти в другую казарму или в технический парк, где стояли боевые машины пехоты, бронетранспортеры и танки. В общем, страшные рассказы сержантов о войсках не оправдались. Конечно, были свои сложности, те же драки, дедовщина, но в войсках в целом намного легче было служить, чем в учебке. Уже через полгода меня уважали в своей роте и старались не трогать, не задевать. А ближе к зиме пришло пополнение младшими сержантами моего призыва, среди которых пришли ребята из хабаровской учебки, в которой я был двадцать дней. Мне их было очень жаль. Я уже твердо стоял на ногах, а им еще предстояло в войсках полгода терпеть наезды, драться или унижаться. Военная программа подготовки предполагала, что младшие сержанты должны были командовать рядовыми в войсках, а выходило наоборот, так как все эти командиры из учебок приходили в войска зашуганными, изможденными, большинство из них были сломанными психологически. И этих младших сержантов начинали в войсках снова гонять даже иногда рядовые солдаты их призыва, которые за полгода обживались в части, понимали эти порядки, имели покровителей и были намного увереннее как внешне, так и внутренне своих новых командиров. Это, на мой взгляд, самая большая ошибка Советской армии (а может, она есть и до сих пор в современной Российской армии) – готовить в учебке сержантов из только что пришедших с гражданки призывников. То есть ошибка в том, что непосредствен-

ных командиров для войск, сержантов, подготавливают из юнцов, не нюхавших порох. При этом воспитывают сержантов такой унижительной для человека методикой, что всю его гордость и физическое состояние сводят к нулю. И эти сержанты, по сути своей, должны быть старшими в бою, вести за собой солдат, пользоваться беспрекословным уважением рядовых, ибо без этого не будет дисциплины и высокой боеготовности войск.

Когда смотришь фильмы о Великой Отечественной войне, где сержантами становились за храбрость в бою, за ум и лидерские качества и где сержанты были как отцы или старшие братья, то понимаешь, что где-то высокое военное начальство в наши дни дало сильный промах при составлении программы подготовки сержантского состава. Правильнее было бы посылать лучших бойцов из рядовых, прослуживших полгода-год в войсках, для дальнейшего обучения в учебку на должность сержанта. В течение первых месяцев войсковой службы в армейских подразделениях сами по себе вырастают лидеры среди рядовых солдат, которые и начинают командовать всеми остальными сослуживцами, независимо от их звания. И они становятся лидерами не только за счет физической силы, а также и за счет сноровки, находчивости, ума, работоспособности, опрятности в одежде, психологических качеств. Ведь проявлять каждому парню свои способности в экстремальной армейской обстановке приходится очень часто. Можно быть лидером и при разгрузке уг-

ля, и на учениях, и в физических упражнениях, в драках, на стрельбах, на строевой и боевой подготовке. Подобных лидеров среди солдат офицеры и сами замечают и в конце концов для лучшего управления ставят их командирами отделений, а в отсутствие офицеров поручают командовать взводом и ротой, нарушая, таким образом, армейские основы, так как рядовые командуют младшими сержантами и сержантами. Я также через полтора года службы получил сержантские погоны по представлению командира батальона, а командовать отделением мне поручали уже через полгода службы.

Еще одно явное отличие войсковых частей от учебки бросилось сразу мне в глаза. Это то, что в войсках командовали офицеры, а не сержанты. Может быть, это было из-за того, что наша войсковая часть была дислоцирована на границе, можно сказать, была на передовой, к тому же полк являлся гвардейским и показательным и его инспектировал сам министр обороны СССР. Возможно, из-за этого офицеры практически всегда были днем в казарме и даже иногда дежурили по ночам.

Причем вспоминаю наших офицеров в войсках с уважением, все, от командиров взводов до командира батальона, были адекватными, строгими, но не жестокими людьми и пытались заботиться о солдатах. На самом деле они тоже, когда учились в школах, смотрели патриотические программы «Служу Советскому Союзу» и различные художественные фильмы об армии и, конечно же, с юности мечтали стать

офицерами. Как правило, благодаря подобной государственной агитации в каждой средней советской школе лучшие ученики сначала пытались поступить в военные вузы, а потом уже, если проваливали экзамены, шли в «гражданские». Меня тоже хотели отдать после восьмого класса в Нахимовское военное училище, но спасибо бабушке – она не пустила, твердо сказав, что не будет в нашей семье военных. За что ей низкий поклон, ибо армия пострадала в период правления Горбачева больше всего: целое поколение офицеров бедствовало в войсках или приходило на гражданку, но не могли устроиться на нормальную работу, так как искусно владели только военным ремеслом. Кроме этого, в армии при сложившемся порядке деградировали лучшие сыны Отечества. У нас полком командовал маленький ростом и говнистый по характеру некто майор Хазаров. Видимо, у него была семейная неустроенность, и он не стремился вечерами, как все нормальные люди, пойти домой к жене и детям, в уют и комфорт собственной квартиры. Иначе зачем ему было часто объявлять построение всего полка ночью на плацу или созывать офицеров на заседание в два часа ночи. При этом говорили, что к его кабинету примыкала комната, где стояла кровать, и он каждый день там спал, а ночью гонял своих офицеров. А они гоняли всех нас. Вот такая хреновая жизнь была у тысячи солдат из-за одной жены командира полка. Правильно говорят – во всем виноваты женщины. Это я, конечно, пошутил. Уверен в обратном. Женщины, наоборот,

делают этот мир намного лучше и добрее.

Еще одно отличие войск от учебки было в том, что в войсках большое значение имело землячество. Даже не землячество, а принадлежность к национальности. В войсках азербайджанцы поддерживали азербайджанцев, казахи – казачков, кавказцы – кавказцев, причем сначала свою народность, а потом других, к примеру, кабардинцы сначала помогали кабардинцам, а потом всем остальным представителям народов Северного Кавказа – ингушам, аварцам, лезгинам, балкарцам и другим.

Поэтому в войсках не было дедовщины как таковой, потому что если в роте командовали «деды»-кавказцы, то они прикрывали и не давали в обиду своих земляков независимо от пройденного срока службы, и часто кавказец через полгода службы уже гонял славянина или азиата, отслуживших намного больше его. В нашей роте в мое время командовали всем чеченцы. Их прибыло в наш полк в 1984 году очень много, и через год они взяли лидерские позиции почти в каждой роте. К тому же на Кавказе в те времена было хорошим тоном бегать от службы в Советской армии, и почти всех призывников забирали служить насильственно с помощью милиции и военкомата. Пока милиция отлавливала призывников на Кавказе, почти всем будущим солдатам переваливало за 20 лет. Были и такие кавказцы, которым было по 25–27 лет, т. е. мужики, а не пацаны вовсе, и, конечно, они были здоровее, жестче тех парней, которые в армию пошли

сразу после десятого класса средней школы. Уже после армии я узнал от сослуживцев, что власть в нашем полку после чеченцев взяли казахи. Тоже в основном за счет численного превосходства. Целый эшелон из Казахстана пришел осенью 1986 года. А осенью 1987 года, говорят, была жуткая драка в полку, но так как основное число чеченцев-«дедов» к тому времени уволилось в запас, то казахи, призывом на год позже меня, в кровавой драке захватили все каптерки в ротах. А каптерки-кладовки – это стратегически важные места, потому что являются частью свободы для солдата. Данные каптерки закрывались на ключ, и в них можно было собираться землякам, чтобы что-нибудь обсудить, жарить ночами картошку, хранить деньги и ценные вещи, делать дембельские альбомы и даже отсыпаться иногда днями, спрятавшись между барахлом на верхних полках стеллажей.

Если говорят, что армия – это школа жизни, то в первую очередь это школа, где понимаешь, что полностью доверять можно только самому себе. В войсках мне пришлось с первых дней постоянно драться, ибо многие пытались меня заставить делать за них работу, так как работать в армии непрестижно, а дембелям и «дедам» – вообще запахло. Командовать мною как «духом» хотели поначалу все – от сослуживцев моего срока призыва до дембелей. В тяжелых армейских условиях я считал каждый день, радовался его завершению, зачеркивал его в маленьком календарике и торопил время, торопил свою жизнь, молодую и здоровую. Помню, что от-

мечал ручкой в календарике пройденный день, зачеркивая его одной наклонной чертой. А те дни, когда у меня были драки, и не просто словесная перепалка, а махание кулаками и ногами, я зачеркивал крестиком. Так вот, первые два месяца у меня драки были по пять дней в неделю, несмотря на то что я по жизни не люблю конфликтов, ругани и даже матерщинных слов, так как не перевариваю с детства злости людской в любом ее проявлении. Но пришлось передрасться почти со всеми в нашей роте. В основном это были мелкие стычки с сослуживцами, отпахавшими 1–1,5 года. Но были и серьезные драки. К примеру, в первые же дни ко мне начал докапываться один ингуш, Секалов, прослуживший 1,5 года, но чувствовавший себя как дембель, так как чеченцы и родственные им по крови ингуши держали верх в нашей роте. Секалову было 22–23 года, роста он был моего, но весом под 90 килограммов. Мне же тогда только исполнилось 18 лет и, как уже было сказано, я весил всего 63 килограмма. Худоба и страхота. Вся рота в тот день заступила в наряд по столовой. Я получил приказ вместе с отделением мыть полы в столовой. У меня к тому времени уже выработался личный принцип поведения. Он заключался в том, что я был готов выполнять приказы по любой работе от командиров, если это соответствовало Уставу, который я обязывался чтить при присяге. Но я не делал ничего личного за кого-то (постирать ему одежду, почистить сапоги, пришить воротничок, принести ему ложку и т. п.), а также по этому принципу я не испол-

нял распоряжения от рядовых, т. е. равных мне по званию, несмотря на их продолжительность службы. Этот принцип и приводил к постоянным стычкам с «черпаками», «дедами» и дембелями, но это была моя вера и за нее я мог на многое пойти. А отступление от этого принципа, по моему тогдашнему менталитету, означало унижение.

В тот злополучный день Секалов получил приказ офицера мыть в столовой во время дежурства посуду – чашки, ложки, кастрюли, стаканы. Как правило, «деды» сразу не противились приказу, полученному от офицеров, потому что это могло привести к «губе», задержке в войсках при увольнении в запас, отправке домой последним этапом и даже к дисбату – армейской тюрьме за колючей проволокой, где, по слухам, ломали всех и делали рабами. Однажды я был свидетелем того, как к нам в роту прислали солдата, который провел два года в дисбате. Этот несчастный попал в дисбат за драку с офицером за три месяца до своего дембеля. Было жалко смотреть на этого когда-то грозного, по рассказам сослуживцев, «деда». После дисбата этот парень делал все. На строевом плацу при всем полку, когда его вызвали на середину плаца, он быстро побежал бегом из строя к офицеру. Почти все солдаты тогда с ухмылкой и презрением на него смотрели, так как, по понятиям, солдат не должен так пресмыкаться перед офицером. Но пробывший в дисбате, видимо, думал только об одном – как бы быстрее покинуть ряды доблестной Советской армии и через четыре года службы вернуться

наконец-то домой, на родину.

Так вот, Секалов, может быть, боясь дисбата, напрямую не послушался офицерского приказа заниматься недостойной для кавказского мужчины работой – мыть посуду в столовой. «Деды» и «черпаки» сами ничего не делали, но приказы выполняли, потому что, как только уходили офицеры, они находили молодых солдат и заставляли их делать свою работу. Офицеры обычно после отдачи приказов уходили, чтобы не идти на конфликт с негласными армейскими порядками, ведь главное для офицера – это выполнение приказа, а не средство его достижения. После того как офицер в тот день ушел, Секалов, оставшись за старшего, начал искать тех, кто выполнит за него порученное задание. Кавказец нашел одного бойца и поставил его мыть тарелки, но хотел быстрее сделать всю работу и для этого вдобавок решил поставить еще одного посудомойщика. Увидел посреди зала меня и окликнул:

– Эй, «дух», иди бегом сюда.

Я отложил швабру и подошел к нему.

– Вон стоит кастрюля с водой. Помоешь все грязные стаканы на том столе, – процедил он сквозь зубы, глядя мне в глаза.

– Это не моя работа. Старлей мне приказал мыть пол, – ответил я спокойно.

– Вымоешь сначала стаканы, а потом домоешь пол, – злобно сказал он.

– Нет, я не буду выполнять за другого его работу, – так же спокойно, но твердо сказал я.

В большом зале столовой было человек 20 из нашей роты. Были и «духи», и молодые, и «черпаки», и «деды». Некоторые видели этот конфликт, но никто не вмешивался. «Деды» улыбались, а остальные боялись гнева Секалова и то, что он им даст свою работу вдобавок к уже имеющейся. Ингуш не стал разбираться со мной при всех, а недобро ухмыльнулся и сказал:

– Да ты, оказывается, борзый. Пойдем, поговорим по-мужски.

По-мужски поговорить означало выйти и без посторонних разобраться, при этом сначала, как обычно, гневно и с трехэтажным матом постараться доказать свою правоту на словах, а потом, если не получится найти общего согласия, так сказать, консенсуса, в этом джентльменском разговоре, то побить друг другу морду.

Я пошел за Секаловым в подсобные кладовые помещения столовой. Как только мы вышли из большого зала столовой, зашли в узкий коридор и прошли метров десять, Секалов, шедший впереди меня, вдруг резко обернулся и ударил меня кулаком в лицо. Это был сильный прямой удар в челюсть. У меня помутнело в глазах, мелькнули искры, но через пару секунд я пришел в себя и бросился вперед на кавказца, за-неся правую руку для ответного прямого удара. Но на противохде я попал под второй такой же удар тяжеловесного

ингуша. Это был нокаут. Я не упал назад, но ноги мои подкосились, и я начал опускаться на землю. Глазами я видел, но рассудка не было. Я ничего вокруг не воспринимал. Секалов поддержал меня и, как котенка, держа за шиворот, вывел в зал, подвел к столу с кастрюлей и грязными стаканами и, видимо, приказал мыть. Я ничего не помню из того, что он мне говорил, а помню, что начал приходить в себя за мытьем стаканов. Я помыл пару стаканов, когда мог уже сообщать. И моя совесть очнулась и начала бороться с моим разумом. Такого сильного удара в жизни я еще не получал. Драки были, конечно же, и в детстве, и в армии, были и синяки, и ссадины, и удары по моему лицу, но чтобы я терял от удара временно сознание – такого в жизни еще не было. К тому же очень больно болела челюсть после прямой Секалова, и я чувствовал, как появляется отек.

Примерно минуту побеждал разум, который отговаривал меня идти на дальнейший конфликт с этим ингушом и предлагал помыть посуду за деда, тем более что так делали все молодые солдаты и оставались при этом уважаемыми среди сослуживцев. Что поделаться, если таковы понятия и неписанные армейские законы. Но потом мое безрассудство взяло верх, я спокойно прекратил мыть посуду и на виду у всех, в том числе у Секалова, вышел из столовой. Секалов смотрел без удивления, но зло ухмылялся и крикнул вдогонку, что мы в казарме еще встретимся. Минут сорок я просидел на спортплощадке, ждал, пока сознание прояснится полностью,

но шум в голове долго не проходил. Потом пошел в столовую домывать свой участок пола. Секалова там уже не было. Никто со мной не разговаривал, да мне тогда еще и не удалось обзавестись товарищами. Конечно же, я знал, что приключения продолжатся вечером в казарме. И они не заставили себя долго ждать.

Вечером, после работы в столовой, нас строем привели к казарме. На душе было беспокойно. Нет хуже состояния ожидания, когда знаешь, что будет конфликт и что Секалов не позволит пройти незамеченному такой поступок молодого бойца. Тем более что такое слушание было на виду у всех и любому «деду» в подобной ситуации, чтобы в дальнейшем быть уважаемым среди своих сослуживцев, нужно было применить силу, победить, унижить духа и заставить выполнять свои требования. Я зашел в казарму и отправился сначала в умывальную комнату, где немного привел себя в порядок. К тому времени у меня уже были какие-то знакомства среди сослуживцев. По крайней мере те солдаты, которые отслужили полгода, уже со мной здоровались, а некоторые звали по имени. Но в тот вечер все меня обходили стороной, боясь показаться моими друзьями, а следовательно, как и полагается друзьям, прийти в случае беды мне на помощь. Армия, по крайней мере для ребят, прослуживших не более года, — это территория с волчьими законами, где каждый сам за себя.

Я умылся и пошел в середину казармы, где стояли кой-

ки. От страха не дрожал, но кровяное давление повысилось, двигаться не хотелось, было желание только остаться где-нибудь одному в темном защищенном месте, где никто тебя не найдет, не тронет, не унизит. Но уходить из казармы нельзя было, так как скоро должно было состояться построение с перекличкой фамилий, после которого должен был быть отбой. Очень хотелось спать, потому что ни физических, ни моральных сил к концу дня уже не было. Однако я не торопил время отбоя, боясь, что дальнейшие разборки с Секаловым могут продолжиться ночью, когда меня разбудят, сонного и ничего не понимающего, в одних трусах. Но все складывалось к тому, что разбор полетов произойдет до отбоя. Секалов, который пришел в казарму часа за два до меня, не мог долго ждать восстановления своей репутации. «Дедушке» не сиделось с другими дембелями, потому что он, видимо, боялся, что они начнут вспоминать, как борзый молодой перед его взором ушел из столовой, а он даже не стал его останавливать. Лежать на кровати и читать книгу ингуш тоже не мог, так как душевного спокойствия, наверное, у него не было. Он ждал меня и ждал очередного сопротивления, а оно на самом деле не всем приятно. Есть люди, которые ищут конфликты, питаются этой злой энергией, но их ссоры в основном завязаны на ругани, на повышении голоса, на матах, криках, истерике, после которых, видимо, им становится лучше и они, перекричав соперника, чувствуют большую свою значимость как личности. Если в этих конфликтах

противник полностью сломлен, то такие люди получают удовольствие от унижения, ударов, побоев. Но когда есть физический отпор, даже конфликтные личности не любят связываться. Причем отпор может быть не только физический, но и духовный, на уровне энергии, твердости характера, так называемого человеческого внутреннего стержня. Ведь Секалов понимал, что физически он намного сильнее и стычка в столовой показала, что он легко меня победит, если я даже надумаю драться. Кроме этого, на его стороне была правда, так как он был «дед», а я – салага, и вся армия жила по таким законам не один уже год. И в словесную перепалку со мной ему не надо было вступать, доказывая при всех свою правоту, можно было с самого начала без предупреждения просто бить и физической силой заставлять сделать так, как он того хочет. Однако, как полагаю, кроме физического единоборства и словесной перепалки, в каждом конфликте есть скрытая борьба внутренних энергий. Чаще явный внешний победитель остается полностью удовлетворенным. Но в тех случаях, когда внутренняя энергия победителя до конца не взяла верх над внутренней энергией побежденного, тогда победителю некомфортно, дело кажется не выигранным, борьба закончилась не полной победой. Думаю, что в нашем случае было именно так. Несмотря на явное физическое превосходство и армейские правила о том, что молодой должен подчиняться «деду», Секалов, видимо, чувствовал дискомфорт оттого, что не сломал мою внутреннюю силу. Но у ме-

ня была своя правда и мне было начихать на то, какие были неписанные законы в этой долбаной армии уже многие лета.

Чтобы как-то унять свое беспокойное ожидание, Секалов вечером в казарме организовал веселые состязания. Ингуш приказал троим молодым парням, прослужившим по полгода в армии, быть «конями», сел на одного из них, взял подушку и начал биться подушками с другими «дедами», оседлавшими оставшихся молодых бойцов. При этом, конечно, это не выглядело молодецкой забавой для всех, так как молодых всячески унижали. Приказывали им опуститься ниже, когда всадник взбирался на своего «коня». Если же «конь» от тяжести или от столкновения с другими падал, то в ход шли «дедовские» пинки и трехэтажный мат. Правда, такие удары были не злобные, не жестокие, а слабые, игривые, произведенные с улыбкой. Так они веселились, когда пришел я. Секалов, конечно же, сразу меня заметил и после очередной победы в рыцарском турнире слез со своего молодого бойца и крикнул с бравадой мне, чтобы я подошел и стал его свежим «конем». Так, может быть, он хотел уйти от конфликта, не потеряв лицо перед сослуживцами. Хотел заставить меня ему подчиняться, но не в работе, а в игре.

Вновь совесть моя начала бороться с разумом, а гордость со страхом. Можно было, как остальные молодые бойцы, с шутками подойти, согласиться с неискренней веселостью повозить атамана на себе, смириться, поиграть в этот конный бой, тем более что ничего зазорного в этом не было. Гля-

дишь, потом еще и вместе посмеялись бы над этими конными боями с подушками.

Однако опять мой разум проиграл битву, и я спокойно ответил Секалову, что никуда не пойду. Ну что же, наверное, каждый из присутствующих в казарме ожидал и такого поворота событий, поэтому все ждали дальнейших агрессивных действий. Ингуш покраснел, но гнева не было, он был спокоен. Медленно направился ко мне. Я развернулся к нему лицом и ждал, что будет дальше. Он подошел вплотную, остановился в полуметре, смотря мне в глаза. На его лице была гримаса улыбки, которая показывала, что, с одной стороны, он уверен абсолютно в своем физическом превосходстве, а с другой – не знал, как лучше дальше поступить.

«Пойдем со мной, “дух”», – злобно и тихо сказал он. Потом положил мне руку на плечо, схватил гимнастерку, отступил на полшага назад и начал тянуть на себя. Хотел привести меня силой к месту рыцарских боев. Я схватился двумя руками за спинку койки и стал сопротивляться. Таким образом, чтобы тащить меня дальше, Секалову требовалось преодолеть не только мою силу, но и тяжесть двух кроватей. Он протащил меня где-то с метр, почувствовал, что это тяжело, и начал отрывать мою правую руку от спинки кровати – тянул ее на себя, бил по ней снизу, но я крепко держался. Тогда ингуш неожиданно ударил мне в живот. Спортивная подготовка еще давала о себе знать, у меня был хороший брюшной пресс, и поэтому удар не дошел до внутренних органов,

но и так было очень больно. Я скорчился от боли, но захвата не отпустил. Далее меня выручили другие «деды», которые предложили Секалову бросить меня и продолжить битву на «конях» с подушками, благо «коней» к тому времени уже был целый табун – все молодые пришли в казарму и готовились к построению на отбой. Секалов, наверное, подумал, что это нормальный выход из ситуации для него, так как честь «деда» при этом не пострадала: физически он опять победил, да и ушел он от меня не сам, а его позвали равные ему сослуживцы. Через полчаса «конные» бои утихли, старшина роты, кабардинец, построил солдат и скомандовал отбой. Лишь пятерым молодым солдатам, которые были «конями» в недавнем прошлом, приказали подмести пух от подушек и помыть пол на месте поединков. Несмотря на боль от ударов по лицу и в живот, я уснул спокойно, предполагая, что меня в эту ночь больше не тронут. Так оно и вышло.

На следующее утро при построении командир взвода, лейтенант, заметил мои синяки и опухшую челюсть. Спросил, что со мной произошло. Я ответил, что упал вчера в столовой и ударился головой о скамейку. Он не очень-то поверил, но промолчал. А вечером дневальный солдат позвал меня в командирскую комнату. Такая комната была в каждой казарме рядом с помещением, где спали солдаты. Я подошел к комнате, постучался, открыл дверь, зашел, отдал честь и сказал: «Товарищ старший лейтенант, рядовой Ландышев по вашему приказанию прибыл», – и замер в стойке «смирно».

В крайнем правом углу большой комнаты, площадью метров в двадцать пять, за письменным столом сидел заместитель командира роты по политической подготовке старший лейтенант Саяник. Я его уже видел, так как он по выходным дням читал всем солдатам роты политическую информацию, рассказывая о том, что творится в мире, в Советском Союзе, Хабаровском крае и нашей части. Естественно, что в мире был агрессивный воинствующий империализм, а у нас, как в программе «Служу Советскому Союзу», все отлично, дружно и благопристойно.

Саяник, когда я зашел в комнату, дал команду «вольно», мельком взглянул на меня и продолжал что-то читать на листе бумаги, сидя за столом. Я оглядел комнату, в которой еще ни разу не был. В ней стояли три-четыре письменных стола по бокам для всех офицеров – командиров взводов и замполита, а в середине комнаты находился большой стол для командира роты. Вдоль одной из стен комнаты были сконструированы стеллажи с полками. Кроме Саяника, в кабинете больше никого из офицеров не было, но недалеко от него посередине комнаты стоял Секалов с опущенной головой и ухмылкой нигилиста на лице.

– Что же ты, Секалов, делаешь? – начал тихо и спокойно Саяник. – Ты почему так молодого бойца уродуешь? Он ведь старший брат тебе, он ведь русский.

Чем дальше Саяник говорил, тем голос его становился жестче и громче.

– А русских надо уважать – продолжал замполит. – Они ведь вас от турок спасли, так бы вас всех, наверное, вырезали бы там давным-давно уже. А вы так неблагодарно платите им. Я многое читал про вас, про то, что в войну ваши старейшины с братским чеченским народом белого коня Гитлеру привели, сдали всю Чечню и Ингушетию фашистам. Правильно вас всех Сталин с тех мест в Казахстан выслал, подальше от границ, чтобы нож в спину не вонзили.

«О чем он говорит?» – подумал я. Такого факта в учебнике истории, которую я любил и неплохо знал, когда учился в школе, я не встречал. Про чечено-ингушскую конную бригаду, храбро сражавшуюся в Великую Отечественную войну, где-то читал, а о том, что были предатели среди старейшин этого народа, и о том, что их выселял Сталин целыми семьями в казахские степи, никогда не слышал. Секалов при нотациях замполита стоял невозмутимо и продолжал ухмыляться, при этом глаза его блестели от злости, но он молча все слушал, смотря вниз.

– Если ты еще раз, скотина, будешь бить молодых солдат, то попросаешься с дембелем минимум на два года. Я тебя, быдло, в дисбат отправлю, там тебя научат правильно себя вести, – сказал напоследок замполит, чувствуя, что в этом случае эффективными могут быть только угрозы, а не призывы к сознательности.

Затем скомандовал нам обоим:

– Все свободны.

Со мной замполит так и не говорил. Видимо, у него как у человека, отвечающего за неуставные взаимоотношения в роте, были свои доносчики среди солдат.

К счастью, Секалов в дальнейшем меня не трогал, тем более что через три месяца я уже перебрался спать в другую роту, получил новую должность и мы с этим ингушом больше близко не сталкивались.

* * *

Необходимо отметить, что мои постоянные драки имели и положительный эффект. Постепенно все поняли в роте, что на меня где залезешь, там и слезешь. Дембеля и «дедушки» меня старались к своим личным работам не принуждать, благо у них был большой выбор среди остальных бойцов. А некоторых «черпаков» через полгода службы я уже и сам гонял, потому что пользовался уважением среди своих сослуживцев, и, видя это, старшина роты ставил меня иногда старшим в различных нарядах, когда не было рядом «дедов» и дембелей. Драки в роте через три-четыре месяца для меня практически прекратились. Стычки происходили только с теми старослужащими, которые меня не знали.

Однажды, ближе к зиме, вернулись в роту двое бойцов, командированных на целину. Они провели на уборке хлеба полгода – с весны до зимы.

Один из них был Хомхоев, чеченец, лет 25, мускулистый,

жилистый, с длинным туловищем и короткими ногами, ростом под 190 сантиметров, не глуп, скорее всего, родился и вырос в городе и, возможно, учился в вузе. Он прослужил к тому времени чуть больше года, но чувствовал себя как «дедушк» а из-за того, что, во-первых, в роте господствовали кавказцы, а во-вторых, нрава был гордого и силен физически. Как-то в воскресный день мы впервые с ним столкнулись лицом к лицу. Выходные от будней у солдат отличались тем, что не было построений на плацу, занятий по боевой, политической и строевой подготовке, различных строительных, ремонтных и погрузочно-разгрузочных работ для части, для города, для воинских начальников. В воскресенье с утра, как правило, был просмотр программы «Служу Советскому Союзу», а затем небольшую часть людей (в основном от года службы и старше) отпускали в увольнение, а остальные должны были облагораживать казарму и прилегающую территорию. В тот день нам дали задание обновить пол в казарме. Необходимо было соскрести верхний слой деревянного пола, проолифить доски и покрыть их заново лаком. Мне командир отделения приказал принести стекло, чтобы потом его разбить на крупные части и острыми краями полученных осколков соскабливать верхний слой пола до белоснежной древесины. После этого пол пропитывали олифой и сверху покрывали бесцветным лаком. Такой пол был приятен глазу и долго сохранял свежий вид. Наше отделение быстрее остальных справлялось с работой, я трудился даже

в удовольствие, потому что всегда люблю из старого делать новое, облагораживать, созидать. Но, к сожалению, другое отделение сильно отставало от нашего по скорости выполнения поручения. В том другом отделении числился Хомхоев. Он, конечно же, не работал. После получения задания от старшины Хомхоев расставил по равным квадратам все отделение и дал им задание, а сам куда-то ушел, но возвращался каждые полчаса, чтобы контролировать процесс. Иногда кого-нибудь пинал под зад, если тот халтурил и некачественно срезал верхний слой старого лака, при этом бранил молодого по-русски, но с акцентом, присущим своему языку.

Итак, Хомхоев, придя в очередной раз в казарму, увидел, что его отделение сильно отстает от других. Уже приближался вечер, и никому не хотелось засиживаться за работой. Да и амбиции победителя в социалистическом соревновании Хомхоеву были не чужды. Чеченец перешел коридор, зашел к нам в расположение, подошел к одному из молодых солдат, сказал ему идти за ним, привел на свою территорию и дал ему квадрат пола, который он должен был доскрести, покрыть олифой и затем лаком. При этом всю площадь пола отделения пришлось заново разделить на равные части среди солдат. Хомхоев, недолго думая, разделил пол вновь, но разделил опять на четное количество прямоугольников, а солдат было нечетное количество. Тогда чеченец снова пошел к нам. Я надеялся, что наш командир отделения Скворцов как-то воспротивится, ведь по должности Скворцов был сержан-

том, а Хомхоев – рядовым, а по сроку службы они были равны. Однако этим равенство и ограничивалось. Хомхоев был более уважаем, более силен и имел более весомую поддержку в роте за счет своих земляков, поэтому Скворцов ничего не предпринял, чтобы оставить подчиненных в своем отделении. Хомхоев подошел ко мне.

– Эй, пойдем со мной, будешь в другом месте работать, – обратился он ко мне спокойно своим гортанным голосом.

Я встал с колен, выпрямился, посмотрел в глаза Хомхоеву и ответил:

– Я здесь получил задание работать и еще не закончил.

В глазах чеченца промелькнуло удивление таким моим поведением.

– Закончишь там, вернешься и потом здесь доделаешь. Я смотрю, тебе здесь немного осталось, надо там ребятам помочь, – несколько повысив голос, сказал Хомхоев, и глаза его начали краснеть. Большинство наших полковых чеченцев очень быстро возбуждались, и при этом у них словесной долгой перепалки не происходило, они как огонь, в который прыснули бензина, быстро возгорались и начинали действовать кулаками.

В армии, как я уже писал, у меня был свой принцип – не делать личную работу ни за кого и выполнять только распоряжения старшего по воинскому званию. Но в то же время я иногда ходил и за хлебом для «дедов», и за картошкой, когда находился в их компании и они меня об этом вежливо про-

силы. Я постепенно завоевывал среди старослужащих роты уважение, и меня начали называть по имени, унижительного ничего не заставляли делать, а в остальных случаях без наездов, мата и грубой силы, достаточно вежливо просили что-либо сделать.

Поэтому, когда Хомхоев сказал «...надо там ребятам помочь», я несколько секунд сомневался, идти или нет. Критерием для решения в таких случаях было обращение к моему принципу. Несмотря на прозвучавшее предложение о помощи, я решил не идти, потому что сказано это было со злостью, в виде распоряжения от рядового и наливавшиеся кровью глаза чеченца говорили о том, что не помощь ему моя нужна, а беспрекословное подчинение.

– Нет, я не пойду, – уверенно сказал я.

– Сука, долго я здесь с тобой еще разговаривать буду? – он со злостью схватил меня за плечо гимнастерки и потащил силой через коридор в свое отделение.

Я ударил снизу своим предплечьем по его руке, и она выпустила гимнастерку. Хомхоев остановился и развернулся полностью ко мне своим мускулистым телом. На его лице было удивление. Потом брови сошлись, он подал вперед голову, глядя зло мне прямо в глаза холодным взглядом, как динозавр смотрит на свою мелкую добычу. Хомхоев не знал, что делать, потому что такого поворота событий он не ожидал. Чувствуя превосходство в физической силе и имея свою «дедовскую» правду, он не боялся ни меня, ни последствий

конфликта, поэтому не принимал стойки для драки, а стоял, опустив руки, и думал, как дальше поступить. Наконец он, видимо, решил и дальше обойтись без драки, но с помощью физической силы притащить меня в свое отделение. Чеченец вновь схватил меня за гимнастерку в районе правого плеча. Но я опять выбил снизу его кисть и отступил на шаг, согнув руки в локтевых суставах, держа их на уровне груди со сжатыми кулаками. Таким образом я встал уже в стойку для драки. Хомхоев опешил, не зная, что делать. Он шагнул ко мне в открытой стойке, давя взглядом и ростом. Но руки его были опущены, он и не собирался защищаться. Я же не стал дальше отступать и, когда Хомхоев подошел на близкое расстояние, то ударил его в лицо сначала прямой левой рукой, а вслед за ней сразу же на возвращении левой руки выбросил вперед прямую правую, перенося при этом вес тела на впереди стоящую ногу. Хомхоев при моем ударе левой рукой отпрянул туловищем назад, и я не дотянулся до противника, но при последовавшем сразу же ударе правой рукой я одновременно сделал шаг вперед и достал на излете кулаком лицо Хомхоева. Удар на излете получился не сильный, но попал в нос чеченцу, и у него из ноздрей просочилась струйка крови. Я тогда не знал еще, как священно чеченцы относятся к крови. Это у нас, славян, можно разбить друг другу морду до крови и забыть об этом через пять минут, а у чеченцев за кровь надо мстить.

После моего нападения Хомхоев остановился, поднес

кисть к своему носу, увидел на пальцах кровь и хотел было броситься на меня, но здесь, к моему счастью, в расположение казармы зашел офицер. Прозвучала команда «смирно» от дежурного солдата, стоявшего у входных дверей. Это зашел командир роты. Он сразу скомандовал дежурному «вольно», и дежурный повторил громко этот приказ для всех. Офицер направился в противоположную от нас сторону, но мог видеть и наше расположение. Драться дальше было нельзя, так как это было чревато тем, что командир роты нас увидит. Мы некоторое время стояли молча и смотрели с Хомхоевым друг другу в глаза.

– Ты мне кровь сделал, – наконец сказал он ледяным тоном. А потом неожиданно и резко саданул меня ребром ладони по шее. Удар был хлесткий и, наверное, сильный, но я его не почувствовал, так как был весь в сильном напряжении. Хомхоев отвел руку и все так же стоял спокойно, с ненавистью глядя на меня сверху. Я не знал, что делать при офицере, и тоже стоял, опустивши руки вдоль туловища, но сжал кулаки. Я ждал очередного замаха соперника и готов тогда уже, несмотря ни на что, броситься на него. Но Хомхоев больше не поднимал рук, а просто злобно и холодно смотрел на меня. Так смотрят боксеры на профессиональном ринге, когда их ставят в полуметре друг от друга перед началом боя.

Офицер тем временем дошел до старшины и дал команду на всеобщее построение.

– Я никогда не буду твоей шохой, – ответил я, собираясь идти снять солдатские тапки и надеть сапоги.

Хомхоев меня не понял. Он спросил:

– Что такое – шоха?

Я удивился, что у них не знают того, что в Алма-Ате знает каждый старшеклассник в школе.

– Шоха – значит, шестерка. Тот, который выполняет все, что ему говорят.

Судя по напряженному лицу Хомхоева, он так и не понял, что я ему хотел сказать, но времени на разговор уже не было, надо было готовиться к всеобщему построению.

После этого случая мы долго с Хомхоевым не встречались лицом к лицу. Он, конечно, мог ночью меня поднять со своими земляками и отдубасить как следует. Если боялся, что потом я на него донесу, то это можно было сделать втемную. А может быть, Хомхоев знал от других, что в роте кто-то стучит замполиту о драках в казарме. По крайней мере дальнейших конфликтов с этим чеченцем у меня не было. Правда, месяца через три, зимой, когда наш полк был на учениях, мы вновь столкнулись с Хомхоевым. Продолжительность тех учений была дней пять. Мы спали в палатках по 15 человек, топя печку буржуйку, но все равно было холодно: мороз 20 градусов на улице, и в палатке 7–10 градусов тепла максимум, если топить хорошо.

Наше отделение и часть отделения Хомхоева жили в одной палатке. В один из дней я был назначен дежурным. Де-

журный на стрельбы не ходил, подметал пол, заготавливал дрова и топил печь днем и ночью на протяжении суток. Таких дежурных на палатку требовалось двое, потому что одному бойцу тяжело выполнить всю работу и особенно тяжело одному всю ночь сидеть у печки. Однако старшина-кавказец всегда оставлял одного из двоих дежурных «дедушку», а второго – молодого, который и должен был все делать. А «дедушка» сутки лежал около печки на кровати, спал, курил или пил чай. Хомхоев, когда его назначили дежурным, даже не встал утром на построение, а продолжал спать. Старшина на построении сказал мне, что я остаюсь вместе с Хомхоевым дежурным, и увел роту на стрельбы. Я успел подмести пол и сел у печки, чтобы забросить в огонь еще дров. В это время проснулся Хомхоев, потянулся, увидел меня около печки, но не узнал, потому что в палатке было темно. Чеченец сел на сколоченной из деревянных щитов кровати, свесил ноги до пола, достал сигарету, но не нашел в кармане спичек.

– Дай спички, – сказал он мне распорядительным тоном.

– У меня нет спичек, – ответил я правду, так как огонь поддерживался уже три или четыре дня в печке, я не курил и у меня не было ни зажигалок, ни спичек.

– Ну, так сходи и принеси, – все так же повелительно, но с большей строгостью сказал Хомхоев.

– Я не курю и мне спички не нужны, – произнес я спокойно.

Через секунду в мою сторону полетел сапог, и чеченец

встал с кровати.

Я увернулся от сапога, летевшего мне в лицо, тоже вскочил и был готов ответить ударом на удар. Хомхоев увидел меня в полутьме, узнал, и его взгляд встретился с моим. Мы несколько мгновений молчали, стоя друг против друга.

Потом Хомхоев сказал:

– А, это ты, Ландыш. Ты мне еще за ту кровь не ответил.

Я ничего не сказал в ответ, просто стоял, молчал и смотрел ему исподлобья в глаза, но в то же время весь сжался, как пружина перед выпрямлением. К моей радости, больше ничего не было. Хомхоев еще постоял полминуты около меня, потом сделал шаг назад, спокойно уселся на кровать, не смотря в мою сторону, даже как будто и не замечая меня. Затем обулся, надел тулуп и вышел на улицу.

Через некоторое время я услышал его обращение к проходившему солдату: «Дай закурить». После этого наступила тишина, чеченец молча стоял около палатки и курил. В дальнейшем на этих учениях ссор с Хомхоевым у меня больше не было, может быть, даже из-за того, что на следующий день в нашей роте случилась беда.

Рота выехала на стрельбы на БМП. Эта аббревиатура расшифровывается как «боевая машина пехоты». Красивая по форме, даже, можно сказать, элегантная машина. Несмотря на свою броню, БМП имела высокую скорость и проходимость на местности. Наши офицеры любили во время учений гонять на этой гусеничной машине меж сопок по глубо-

кому снегу. Благодаря длинному своему носу в виде угольника БМП легко переправлялась через водные препятствия, умела плавать. В бою солдаты выбегали из машины через задние двери, поэтому задняя часть машины была прямоугольной, перпендикулярной земле и почти плоской.

В тот день колонна из восьми БМП остановилась перед полигоном, солдаты вышли покурить, поболтать и встали рядом с машинами, которые остановились в двух метрах друг от друга. Командир взвода убежал в командный пункт на совещание и получение задач. Через 15 минут командир вернулся, дал команду «По машинам» и залез в первую БМП. Начали заводиться моторы. Вслед за первой БМП взревел двигатель второй. Но вдруг из середины колонны начали громко кричать. Мы подбежали к четвертой БМП, она стояла от пятой машины не в двух метрах, как было пять минут назад, а всего в каких-то 15–20 сантиметрах. Острый, как зубило, нос пятой БМП почти касался тупого зада четвертой боевой машины. И в этом пятнадцатисантиметровом расстоянии между машинами висел солдат, болтал ногами, был в сознании и исступленно орал что-то на таджикском языке. Естественно, грудную клетку ему сплющило, ребра поломало, возможно даже, что осколки ребер вспороли легкие, потому что орал бедняга с хрипотцой, с каким-то бульканьем. Скорее всего, этому таджику также переломило и позвоночник. Часть молодых солдат схватились за головы и убежали с причитаниями подальше от этого кошмара. Наш

медбрат, парень, прослуживший к тому времени всего год, тоже растерялся, но не убежал, а достал какие-то таблетки из сумки и пытался дать их зажатому в тисках солдату.

А случилось вот что. Сослуживец пострадавшего, близкий его друг, тоже таджик, был механиком-водителем, но имел еще небольшой стаж вождения БМП. Этот горе-механик, когда услышал команду «По машинам», начал заводить двигатель, но при этом не убрал первую скорость, не поставил коробку передач на нейтральную позицию и не выжал сцепления. Как следствие, его машина при включении стартера дернулась вперед и заглохла. К несчастью, в эту секунду между бронемашинами решил пробежать его друг, пехотинец. После того как механик-водитель увидел, что прилепил к впереди стоящему БМП своего земляка, он попытался быстро завести мотор и отъехать назад, но, как назло, он не заводился. Стартер крутил, пытаясь завести большой дизельный двигатель, но бесполезно. При каждой повторной заводке от движения мощного стартера вся машина тряслась и причиняла невыносимую боль зажатому в железных тисках бедному солдату. Только после того, как прибежал командир взвода, увидел происшествие и быстро скомандовал первым БМП трогаться с места, раненый солдат освободился из этого железного плена, упал вниз на землю и потерял сознание. Его на машине повезли в часть, в госпиталь, но, к сожалению, он по дороге скончался. С парнем прощалась вся часть, его цинковый гроб поставили посреди зала для пол-

кового собрания. Я тогда подумал, что не дай бог погибнуть вот так глупо. В те годы шла еще война в Афганистане, и мне пришла мысль, что уж лучше пасть в бою с душманами, чем вот так, на учениях, от невнимательности сослуживца и общей безалаберности.

Следующие учения у нас были через месяц, и на них у меня произошла последняя серьезная и жестокая драка за время моей службы. К тому времени в нашей роте уже никто из старослужащих не пытался меня унижать. Все понимали, что бесполезно заставлять меня делать за кого-то его работу, если не будет на то распоряжения старшего по званию. Но, когда мы выехали на учения, я столкнулся с «дедом», который давно был прикомандирован от нашей роты к полигону и мы с ним совершенно не были знакомы. Несколько ребят из полка были закреплены на полигоне для обслуживания различных приспособлений – щитов, макетов, командной вышки, складов и т. п. Командированные спали в небольшой казарме, и такой спокойной службе можно было позавидовать. С одним из таких командированных – «дедушкой» Калиевым, татаринном, я подрался в первый же день учений. Во время обеда в поле Калиев волею случая сел рядом со мной за столом. Как я уже писал, молодых солдат видно издалека по поношенной одежде, по худобе, по внешней замученности, по настороженности, отсутствию бравады и наглости. Я сидел среди молодых солдат и мало чем внешне отличался от них. Калиев поел быстрее меня и, вставая из-за стола, сказал мне

коротко тоном начальника: «Помой за меня посуду».

Обычное дело – молодому солдату мыть посуду за «дедушку». Обычное – для многих, но не для меня. Я ничего не ответил, равнодушно посмотрел на этого крепкого, низкого ростом, с широкой костью татарина. Он, несомненно, был старше меня лет на пять, с высокой лобной залысиной, уже муж, а не мальчик. Я, как ни в чем не бывало, доел свою порцию и встал из-за стола, надеясь, что Калиев вообще не смотрит за тем, выполню ли я его распоряжение. Но Калиев увидел, что я взял с собой со стола только свою грязную посуду. Он догнал меня, дал пинком под зад и зло прошипел: «Я что тебе сказал сделать, салага!».

Я тут же развернулся к нему лицом, отбросил свою чашку и ударил его правой ногой сбоку по бедру. Удар пришелся татарину в районе таза и был чувствителен, судя по выражению его лица. После этого Калиев не отступил, а приблизился ко мне вплотную. Его манерой, как я полагаю, всегда было вести бой на близком расстоянии, так как он был небольшого роста и имел короткие конечности. Мы обменялись несколькими, не особенно чувствительными, ударами кулаками в туловище, локтями в плечо и обхватили друг друга руками за туловище. Далее мы начали качаться из стороны в сторону, пытаясь повалить противника на землю в этой схватке. В школе по борьбе в своем классе я никому не уступал, даже ходил какое-то время в секцию самбо и поэтому надеялся на успех в этом поединке даже с физически

более сильным соперником. Но в тот момент, когда мы боролись стоя и лица были друг против друга так близко, что кожей чувствовалось жаркое дыхание противника, Калиев вдруг отвел свою голову далеко назад и резко бросил ее вперед. Он был ниже меня сантиметров на 10, и удар лбом пришелся как раз по моей переносице. У меня появились искры в глазах, удар был очень сильным и болезненным. Тут же из моих ноздрей не просто побежала, а хлынула кровь, которая запачкала и мою форму, и форму татарина. Через несколько секунд нас разняли. Я пошел к ручью и долго не мог остановить кровь, так как нос у меня был сломан. Ко всему прочему, через несколько минут после драки мне стало плохо, тошнило и рвало. В четвертом классе у меня было небольшое сотрясение головного мозга после удара головой на ледяной горке. В этот раз симптомы были те же – я наверняка получил сотрясение мозга.

Вечером из-за тошноты мне пришлось отказаться от ужина. Это небывалое событие – отказ солдата от ужина – удивило старшину, и он направил меня в санчасть. Там медбратья-сержанты долго меня расспрашивали, измеряли давление и температуру. Симулянтов, желающих любым способом уйти из роты и какое-то время полежать на больничной койке в санчасти, было множество, и поэтому каждый больной проходил скрупулезную проверку. Меня часа два продержали в приемной санчасти, расспрашивая о самочувствии и измеряя давление. И все-таки оставили на ночь в

санчасти. Решающим фактором, скорее всего, был сломанный нос. Видно было, что он немного кривоват, да и глубокая рана на переносице говорила о том, что удар был действительно сильный.

Наутро мне не стало лучше, все так же тошнило, но не рвало, может быть, даже из-за того, что в желудке было пусто. Днем меня отправили в дивизионный госпиталь. После осмотра в приемном отделении меня положили на кровать недалеко от столовой. В первый день самочувствие мое не улучшилось, но на душе стало намного спокойнее, так как в госпитале не было построений, утреннего подъема и отбоя. Спали и валялись в кроватях целыми сутками, вставая только на завтрак, обед и ужин. Внеурочных взаимоотношений тоже не было, так как лежали в госпитале большей частью молодые солдаты, «дедушек» почти не было, да и тот, кто был старослужащим, не выпендривался, так как делить власть, бороться за что-то, заставлять кого-то что-то сделать не было необходимости.

На второй день пребывания в госпитале утром был осмотр пациентов врачами. Ко мне подошла женщина славянской внешности в белом халате. Села на краешек кровати.

– Так, сынок, давай посмотрим твой носик, – нежно произнесла она.

Я лежал на спине, она склонилась над моим лицом и тихонько прикоснулась к носу пальцами с разных сторон. У нее были светло-голубые глаза, длинные ресницы, белая кожа.

Ей было уже под 50 лет, лицо в морщинах, но она мне показалась божеством. Больше полугода я не видел представительниц прекрасного пола так близко рядом с собой, не чувствовал их духов, энергетики и доброты. Как же женщины для нас важны. Я представляю, какой бы жестокий мир был без них. От них идет искренняя нежность, и жаль, что современные условия жизни заставляют их становиться brutальными, воинственными, агрессивными, целеустремленными, чтобы добиться в капиталистическом обществе положения, славы, высокой зарплаты, а значит, и независимости. По моему глубокому убеждению, сила женщины – в ее физической слабости, нежности, мягкости и доброте.

Я лежал и не мог насмотреться на эту женщину. Как же она была красива, как ласковы ее прикосновения, как чудесен звонкий голос, как вкусно пахли еле уловимые духи, какая положительная энергия шла от нее. Я не возбуждался от нее, как мужчина возбуждается от женщины в сексуальном смысле, но то чувство было сродни чувству любви. Любви светлой, платонической, душевной, сыновней. Хотя я никогда не был маменькиным сынком, а даже, наоборот, с 10 лет пытался быть независимым от родителей и не любил сентиментальности, но в этом госпитале мне очень захотелось обнять эту женщину, прижать к себе, почувствовать всем телом близость этого божественного существа.

Доктор-ангел осмотрел мой нос. Я предложил его сломать под наркозом, чтобы сделать прямым, но она сказала, что

кривизна почти незаметна, носовые ходы не пострадали и что я и так красивый. Улыбнулась, посмотрела мне коротко, но пристально в глаза, положила свою руку мне на грудь, немного похлопала, как бы говоря, что все будет хорошо, не стоит переживать, и пошла дальше. К сожалению, я ее больше не видел. Оставшиеся до выписки из госпиталя дни меня осматривали военные доктора-мужчины, но то чувство восхищения женщиной, женским началом после столь длительного отсутствия представительниц слабого пола в моей жизни я запомнил навсегда.

* * *

После возвращения из госпиталя жизнь постепенно нормализовалась. Вскоре на волю ушли дембеля, а для пополнения численности пришел новый призыв, в основном ребята из Казахстана и Узбекистана. Несмотря на то что срок моей службы еще не перевалил за первый год, я уже чувствовал себя вполне спокойно. «Деды», большей частью чеченцы, меня не трогали, а некоторые даже здоровались за руку и называли по имени, разговаривая на равных. Старшина и офицеры все чаще меня назначали старшим в нашем отделении. Появились знакомые в отделении связи, которое имело свою каптерку-комнату со снаряжением, и там у них можно было оставить личные вещи, крем для обуви, щетку, запасную форму, что позволяло всегда ходить в чистой одежде и в

начищенных сапогах – а это первый критерий благополучия и статуса солдата.

Когда я отслужил год, как-то троих солдат-славян одного призыва, в том числе и меня, вызвали в штаб батальона и дали задание написать текст под диктовку. Это, как оказалось, был конкурсный отбор на вакансию помощника начальника штаба батальона. Я выиграл этот отбор. Возможно, причиной этого стало то, что у меня был самый красивый почерк или я меньше всех сделал грамматических ошибок, а может быть, внешностью был более удалой, чем остальные претенденты. В результате мне дали задание каждое утро приходиться в штаб батальона и выполнять распоряжения начальника штаба. Мне поручали заполнять документы, склеивать секретные карты местности, наносить надписи на них плакатным пером, быть курьером штаба и исполнять другие аналогичные задания.

С того момента моя жизнь кардинально поменялась. Теперь меня из солдат никто не доставал, потому что уже не было самого предмета ссоры между мной и «дедом» или «черпаком». Чуть позднее я постепенно перестал участвовать в строевой подготовке и даже не стал выходить на плац, а сразу после утреннего построения в казарме и завтрака шел в штаб батальона и что-нибудь там делал. А самое важное было в том, что у меня появилась комната, в которой вечером никого не было, в которой был свой ящик-сейф на замке. Я наконец-то обрел место, где мог вечерами и ночами зани-

маться своими личными делами.

К тому же все руководство батальона, в том числе комбат, замполит и начальник штаба, были нормальными, адекватными мужиками, строгими, но справедливыми и в душе добрыми, заботливыми командирами. Поэтому через некоторое время я душевно успокоился, набрал в весе до 85 килограммов (после 63 в первые дни службы) и на фотографиях был уже не желторотым замученным юнцом, а уверенным в себе настоящим мужчиной. Мама была очень рада моим фотографиям и таким переменам во внешности сына. Через полгода работы при штабе командир батальона за усердную службу походатайствовал за меня перед руководством полка, и вскоре я получил звание сержанта. Заслужив власть и уважение в роте, я не пытался это использовать против молодых солдат. Мне их многих было жалко, и обращался я всегда к ним по-человечески. Были, конечно, моменты, где необходимо было и накричать, и пнуть под зад кому-нибудь из-за их тупости и неповоротливости, но унижать чье-то достоинство при этом мне претило.

* * *

Однажды начальник штаба батальона предложил мне вступить в Коммунистическую партию СССР. Я всегда был активистом по жизни. С гордостью когда-то носил галстук пионера, первым в классе вступил в комсомол и считал член-

ство в этих организациях очень важным и почетным. К тому же отец у меня был коммунистом со стажем, даже возглавлял партийную ячейку в институте и окончил Высшую партийную школу. Конечно же, и я в средней школе и на первом курсе вуза мечтал стать коммунистом, встать, как тогда считал, в ряды самых достойных людей Отечества.

Однако я отказался от предложения начальника штаба батальона стать кандидатом в члены КПСС. Причиной тому стало, во-первых, понимание, что на центральных телевизионных программах и в книгах армейской библиотеки может быть обман и приукрашивание, а в реальной действительности среди коммунистов очень часто есть место низкому и неблагородному. А во-вторых, я познакомился и даже сдружился в армии с двумя киргизами – двоюродными братьями из Фрунзе (тогда столица Киргизской ССР), общение с братьями окончательно привело меня к решению не вступать в КПСС. Можно даже сказать, что эти ребята были мне земляками, так как Алма-Ата находилась от Фрунзе в 250 километрах и братья часто бывали в Алма-Ате, а я – во Фрунзе или на киргизском великолепном горном озере Иссык-Куль. У меня с этими парнями были общие темы для разговоров, и постепенно мы сблизились и стали почти друзьями. Братья были начитанны, учились в престижных вузах киргизской столицы и имели красивые черты лица. К тому же они были хорошими рассказчиками, и мне с ними было интересно проводить время. Необходимо также сказать, что оба кирги-

за были сыновьями больших коммунистических начальников, то ли секретарей райкомов, то ли горкомов в своей республике. Ну и, наконец, необходимо отметить, что оба брата были коммунистами. Когда они узнали, что мне предложили стать кандидатом в члены КПСС, то сразу стали уговаривать меня соглашаться и приводить свои доводы в пользу этого решения. Как я был наивен. Думал, что коммунисты – это самые честные, правильные, стойкие, сильные духом и нравственно безупречные люди. Они – опора страны и всего будущего. Мои убеждения были в рамках идеологии того времени, которая выливалась на простого смертного из всех возможных средств массовой информации, подотчетных государству. И я ранее не соглашался стать членом КПСС только по причине того, что считал себя еще недостойным такой чести. А братья киргизы, сыновья коммунистических боссов, наперебой как-то вечером мне доказывали свое видение плюсов коммуниста.

– Слава, да ты чего медлишь? Соглашайся, конечно. У нас везде карьеру можно сделать, только если ты коммунист. Любая высокая должность на гражданке и в армии – это только для коммунистов. Беспартийных даже на конкурсе не рассматривают. К тому же всегда будет хороший повод на партсобраниях, в кулуарах познакомиться с нужными людьми, чтобы потом решать свои личные дела по одному звонку. Будут у тебя всегда и продукты дома, и хорошие импортные шмотки, и в очереди на квартиру тебя протолкнут,

и машину удастся быстро получить, – говорил один из братьев.

– А самое главное, если обычный человек что-нибудь сворует, то на него сразу уголовное дело заводят и в тюрьму сажают, – вторил ему другой, – а если член партии сворует, то максимум, что ему грозит, – это лишение партбилета. А чаще всего просто проводят собрание, критикуют и берут провинившегося на поруки.

– Да, Слава, мой братан прав. Вон до армии друга моего отца, председателя райкома, поймали на взятке, так ничего, все тихо и мирно прошло. Раздувать не стали, потому что коммунисты не могут воровать по определению никогда. Друга отца просто перевели из одного района в другой, и все. А не был бы коммунистом, засадили бы лет на 10 с конфискации имущества.

Такой разговор состоялся ночью в штабе батальона, где мы закрылись в комнате и пили какую-то брагу, которые некоторые удалыцы настаивали в огнетушителях, прямо в казарме, в двух шагах от офицеров. Брага получилась крепкая, разговор шел по душам, кто что думал, тот то и говорил. Точна русская народная пословица: «Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке». Я по натуре своей всегда был интровертом и все свои переживания хранил в себе, никому душу не раскрывал даже в пьянках. К тому же я не любил споров и терпеть не мог кому-то что-то доказывать. Поэтому почти всегда я больше слушал, чем говорил. Слабый свет

от настольной лампы и опьянение не дали киргизам разглядеть глубокое разочарование и презрение на моем лице, когда они рассказывали выгоды вступления в Коммунистическую партию Советского Союза. Априори я предполагал, что элита общества – это коммунисты, и мои убеждения от этого разговора летели в тартарары. А ведь парни правы, думал я, без партбилета высоких должностей в карьере не достичь. Но природное чувство справедливости и гордости убедило меня в том, что мне не место среди коммунистов и я должен отказаться от вступления в ряды этой прогнившей партии.

«Раз там так много прохвостов, воров и подонков, то я не хочу быть среди них, – думал я. – Комсомолом мои социальные функции и закончатся».

Еще какое-то время я с киргизами общался. Но после того как одному из них я отдал железный ящик – сейф, чтобы тот мог свои вещи хранить в каптерке у знакомого, я перестал им доверять, потому что из сейфа пропали мои деньги. Дело в том, что в этом железном ящике при передаче хранились все мои сбережения: переводы из дома и зарплата солдата (7 или 10 рублей ежемесячно). Всего скопилось там рублей 150. Деньги для солдата не маленькие, в то время это была среднемесячная зарплата инженера или бухгалтера в Советском Союзе. Я думал, что сейф пустой, и передал киргизу его на замке, отдал и ключ от замка, а на следующий день вспомнил, что оставил в этом железном ящике свои деньги. Не переживал несколько, потому что знал, что земляк мне деньги

вернет. Но вечером, после того как братья пришли в казарму, они мне сказали, что денег в ящике не было. Предложили мне пойти вместе посмотреть ящик. Мы в каптерке вынули все содержимое ящика, но денег не было. Я вспомнил разговоры про коммунистов, размышления братьев и сделал вывод, что они способны обворовать даже друзей. На этом наши отношения закончились. Я не подходил к землякам, и они тоже не подходили ко мне. Это косвенно доказывало, что они все-таки взяли мои деньги и сделали выбор, меняя отношения со мной на 100 рублей. Наверное, поговорка «Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» у некоторых людей звучит наоборот.

* * *

Через некоторое время после расставания с киргизами судьба послала мне друга – Игоря Голованова. Это был небольшого роста, где-то под 1 м 70 см, толстенький, но без складок жира, парень из российского города Пензы. У Игоря были темные волосы, большие карие глаза и белая кожа, настолько белая, что по лицу сразу было видно, когда он недоволен, потому что щеки мгновенно от злости становились красными. Но злился Игорь редко, потому что был добряком, веселым и энергичным малым. Про таких, как он, говорят «душа компании». Игорь смеялся громким, красивым, задиристым смехом, от которого тоже хотелось сразу хохотать.

тать вместе с ним. Голованов был хорошим рассказчиком анекдотов и разных жизненных историй и сразу располагал к себе любого собеседника своей душевной искренностью.

Познакомились мы с ним нетривиально, необычно. Как-то я был отправлен в наряд по городу. Вместе с прапорщиком и еще одним солдатом мы патрулировали городские улицы. В Бикине ничего интересного не было: кинотеатр, несколько пятиэтажек и деревянные черные дома с покосившимися заборами. В этом городе, который был недалеко от границы с Китаем, жило много заключенных, переведенных из тюрьмы на «химию», на поселения под постоянным присмотром участковых милиционеров. Обитали в городе, конечно же, и коренные жители, поколениями существовавшие в этих местах. Причем люди очень душевные и добрые. За полгода до окончания службы мы с другом Игорем познакомились с одной симпатичной 18-летней девчонкой Леночкой Акимовой. Она через некоторое время позвала нас к себе в гости, познакомила, в свою очередь, с родителями и бабушкой. Эта семья нас постоянно баловала вкусной домашней едой, старалась приободрить, сопереживала трудностям армейской жизни, в общем, относилась как к своим родным. Мы с Игорем, конечно же, тоже чем могли помогали им, покупали недорогие подарки, кололи во время увольнения для бабушки дрова и делали что-нибудь по ремонту старого дома. При этом никаких сексуальных домогательств к Леночке мы с Игорем себе не позволяли, уважая в первую очередь

в ней душевные, дружеские, человеческие качества. Таких добрых, бескорыстных людей, как в этой Богом забытой глубинке, я потом по жизни больше почти не встречал. Но знакомство с ними было позже, а сначала на городских улицах я познакомился с Игорем Головановым.

Итак, когда мы втроем патрулировали город, то увидели, как из продуктового магазина вышел небольшого роста сержант с красными погонами, означавшим, что он как раз из нашего мотострелкового полка. Еще в Бикине стоял танковый полк, и его солдаты ходили с черными погонами. Наш прапор окликнул сержанта, когда тот вышел из магазина. Сержант остановился, на секунду задумался и вдруг резко рванул от нас в противоположную сторону.

«А ну стой, солдат, кому сказано!» – закричал прапор, но, видя, что убегающий не останавливается и отдаляется все дальше, приказал мне и молодому солдату догнать беглеца. Мы бросились за сержантом вслед. Гандикап у преследуемого перед нами был приличный. Сержант уже убежал от магазина метров на двадцать. Я сразу прикинул, что погоня будет долгой, и не рванул след с места в полную силу. Благо до армии я занимался бегом на средние дистанции и мог правильно распределить свои силы в этой погоне. Поначалу беглец даже увеличил свой разрыв между преследователями, но улица была прямая, справа и слева были одноэтажные деревянные дома, закрытые глухими заборами, а до перекрестка было метров 300, поэтому я не упускал из вида убегающе-

го. Через 100 метров после начала бега от меня отстал молодой солдат, и через некоторое время он остановился, глубоко дыша, загнувшись и держась за печень, – знакомая история, когда после обеда начинаешь сразу резко, во всю силу бежать. Еще через 200 метров преследования я уже сократил расстояние от убегающего до 10 метров. Беглец тем временем добежал до перекрестка и повернул направо в направлении гаражей и сараев. До гаражей оставалось метров сто, и мне пришлось сделать финишный спурт, так как за гаражами беглец мог уйти из видимости. Как только нарушитель завернул за первые гаражи, я его нагнал, сделал подсечку ноги, и он со всего размаха упал и покатился по траве. Я остановился рядом, стоя над ним, молча и тяжело дыша. Мой соперник не спешил подниматься с земли, так как совсем выдохся в забеге.

– Подымайся, пойдем к прапору, – спокойно, но твердо сказал я после того, как немного отдышался.

– Слушай, сержант, отпусти меня, будь человеком, – тоже спокойно, не жалобно и не умоляя, а с чувством собственного достоинства сказал беглец. – Мне сейчас нельзя попадаться патрулю. У меня через неделю отпуск домой намечается. Сам знаешь, как через полтора года службы хочется побыть дома. А если меня сейчас сдашь, то отпуск накроется медным тазом.

– Ну, и на хрена ты тогда в самоволку сегодня пошел?

– Да у меня днюха, юбилей, 20 лет исполнилось. Командир

роты залупился и не пустил в увольнение. Ему, видно, утром жена не дала в постели, так он подчиненных с утра трахает, — он открыто улыбнулся, и я тоже в ответ широко заулыбался.

«Молодец, шутит еще в такой ситуации», — подумал я.

— А с какой ты роты? — спросил я.

— С четвертой, второго мотострелкового батальона, — ответил он.

— О, так мы соседи. Я с первого батальона, двумя этажами ниже, в том же здании.

— Да я знаю, видел тебя несколько раз.

— А что ты в магазине забыл? Пошел бы тогда на речку или в кино. Хотел, что ли, купить шоколадные конфеты или торт к праздничному чаепитию? — с улыбкой спросил я.

— Да конфеты уже есть, я их в магазине на территории части купил. Но на юбилей, сам понимаешь, в солдатской железной кружке хочется не только чай поднимать, а что-нибудь покрепче, а спиртное в нашем магазине, увы, не продают. Пришлось в городе купить бутылку водки по этому случаю, — с этими словами он достал из-за пазухи 0,33 литра местной водки. — На, возьми ее, только отпусти меня.

— Не надо, оставь себе. Дай мне твой военный билет. Хочу удостовериться, что ты в этот день родился.

Сержант протянул мне военный билет с опаской, ведь если я не отдам ему билет обратно, то он точно без этого документа не убежит. Целесообразнее было бы на месте беглеца, отдышавшись, неожиданно ударить меня, сбить мне ударом

дыхание, а потом рвануть, убежать и затеряться в гаражах. А если военный билет нарушителя будет в моем внутреннем кармане, то смысла убежать уже нет. Но беглец не пошел на обострение ситуации и протянул мне свой документ. Я открыл первую страницу и начал читать вслух: «Так, значит, ты – Голованов Игорь, сержант второго мотострелкового батальона. Гляди, не обманул, родился 20 августа 1966 года».

Я посмотрел на него и увидел настороженность в его больших глазах. Однако парень больше ни о чем не просил. Все, что хотел, он сказал и повторять свою просьбу не собирался. Я предположил, что если не отдам обратно военный билет и не отпущу на свободу, то нарушитель все же предпримет попытку ударить меня, забрать билет и скрыться. Но нападения я не боялся, потому что Голованов внешне был слабее меня, меньше ростом и весом, да и полностью отдышаться от погони он еще не успел. К тому же у меня был, как у всех патрульных, штык-нож, а это серьезное холодное оружие. В этом контексте меня больше беспокоила реакция прапорщика, если я вернусь к нему один. Несомненно, получу от него нагоняй, потому что он говнистый малый и ему лишь бы был случай докопаться до подчиненного и облить его ушатом грязи и трехэтажного мата. Но, с другой стороны, я полностью понимал этого солдата, которого в свое двадцатилетие, в первый по-настоящему круглый юбилей, заставили сидеть и работать в части. Раб и бесправный человек даже в свое 20-летие. Грустно.

– На. Вон туда, за гаражи беги. И мотай сразу в часть, мы сегодня будем до девяти вечера патрулировать улицы и второй раз я тебя, если увижу, догоню и не отпущу, – сказал я и протянул Игорю военный билет.

– Спасибо, братишка. Большое тебе спасибо.

Он забрал военный билет и искренне протянул мне руку для пожатия. Я пожал его руку, ничего не говоря, но смотря ему в глаза.

– Возьми водку, отдашь прапору, скажешь, что я обронил, – предложил он алкоголь еще раз.

– Обойдется прапор. Не заслуживает он такого благородного напитка, – улыбнулся я в ответ.

– Спасибо, – сказал Игорь еще раз и быстро пошел за гаражи.

Я возвратился с понурой головой к прапорщику. Он стоял с солдатом на перекрестке метрах в ста от гаражей.

– Ну что, спортсмен, упустил нарушителя? – злобно спросил прапор.

– Да, потерял. Он где-то между гаражами юркнул. Не нашел его.

– Тебе бы, блин, только писарем в штабе работать, – задел он меня, намекая на мою работу в штабе батальона.

Я покраснел от гнева, но в ответ ничего не сказал. Не положено оправдываться, когда тебя отчитывает старший по званию. Пункт первый Устава Советской армии гласит: «Командир всегда прав», а пункт второй – «Если командир не

прав, читай пункт первый». Когда тебя отчитывает командование, то ты должен стоять, молчать и ждать приговора. А потом ответить «есть» и бежать с радостью выполнять распоряжение. Твое мнение, твои оправдания никого не интересуют. Наш командир роты солдатам часто говорил: «Если мне нужно будет ваше мнение, я вам его скажу». Это красивое выражение можно сделать девизом всей Советской армии как тоталитарной системы управления.

* * *

Вечером после возвращения из патруля у меня было хреновое настроение. Я не жалел, что отпустил Игоря, но расстроился из-за оскорбительных слов прапорщика, который был не намного старше меня, ему было лет 25–27. Прапор был к тому же худеньким и слабеньким, небольшого роста, а синяки под глазами и красноватый цвет лица указывали на то, что парень каждый вечер выпивает по меньшей мере полбутылки водки. Да и тупой он еще был ко всему прочему. На гражданке я бы его и в устном споре, и тем более в драке одолел бы легко, а в армии этот тупица мог безнаказанно унижать меня, пользуясь своей властью и неприкосновенностью.

Но судьба, она как шкура зебры, с чередованием белых и черных полос. Главное, как сказал, если не ошибаюсь, Джон Локк, это ползти по этой шкуре зебры поперек, а не вдоль. А

то как залезешь на черную полосу и пойдешь по ней вдоль, то белым окажется только свет в конце туннеля при суициде. В связи с этим я надеялся, что вскоре у меня будут хорошие события. И не ошибся.

Поздно вечером, перед самым отбоем, к нам в расположение роты зашел Игорь Голованов, нашел меня и предложил выпить за его здоровье. Я сначала отказывался, но парень мне был симпатичен своей простотой и душевностью, да и настроение у меня было плохое, так что я согласился. После отбоя мы с Игорем закрылись в нашей штабной комнате. Голованов сходил к себе в роту наверх, принес водку, пачку чая, карамельные конфеты, пряники, репчатый лук, две банки тушенки и банку шпрот. Это был просто пир для солдата. Я налил в графин воды и сунул туда самодельный нагреватель: два лезвия, разделенные между собой спичками и обмотанные нитками, подключают к проводам, и потом суют вилку в розетку. И получается отличный кипятильник. Когда это устройство включаешь в сеть, то напряжение снижается так сильно, что свет в комнатных лампочках тускнеет. Но зато через минуту вода в двухлитровом графине уже кипит и можно заваривать самый крутой тогда в Союзе чай с названием «№ 36» с листьями краснодарских чайных плантаций. Мы просидели с Игорем часа три. Выпили водку, съели все принесенные продукты, рассказали о гражданке, о том, чем занимались там, помечтали о возвращении домой и пофантазировали о том, кто чем займется после увольнения

из армии. Мечтать было приятно. Молодые организмы хотели деятельности, работы, обучения, развлечений, секса и любви. Почти каждый «дед», прослуживший в армии 1,5 года, больше всего страдал от безделья, от тупизны обстановки, от несвободы и торопил каждый день, чтобы он быстрее прошел. Если вдуматься, то человек торопит свою жизнь, свое время, которого и так, по сути, немного ему дается на этой планете.

Мы начали с Игорем встречаться почти каждый день. С ним сидели ночами и пили чай, ходили в самоволки в город и за город в лес или на речку. Особенно мы с ним любили ночами ходить купаться на реку Бикин. Когда в первый раз прибежали на эту речку ночью, то я заметил, что, несмотря на то что река широкая, метров в 150 от берега до берега, течение было довольно быстрое. Игорь пошел в туалет «по-большому» в близлежащие кусты. А я решил тем временем искупаться. Берег был не сильно крутой, и мне захотелось нырнуть в воду с разбега. Но для себя я решил, что после того, как нырну, надо будет сразу плыть назад. И не потому что вода стала уже холодной, ведь шел сентябрь, а потому что течение было сильное – это видно было даже безлунной ночью. Я хорошо плавал, даже имел взрослый спортивный разряд по плаванию и поэтому не боялся быстрой реки, но решил сразу после ныряния в воду плыть обратно к берегу, чтобы меня не отнесло течением далеко от места с одеждой. Ведь мы снимали при купании с себя все, плавали адамчика-

ми, чтобы не возвращаться потом в мокрых солдатских трусах через весь город.

Итак, я снял всю одежду, повесил ее на большой куст, который стоял одиноко у самого берег, и с небольшого разбега нырнул в воду. Вода оказалась ледяной, и я сразу же поплыл назад. Выбрался на берег и удивился. Куст, на который я повесил свою одежду, был в трех метрах от меня.

«Как бывает обманчива иногда река. Я ведь предполагал, что течение сильное и меня отнесет метров на 15 от этого куста за время плавания, а он оказался в итоге всего в каких-то трех метрах», – подумал я.

Потом немного помахал руками, отжался от земли, чтобы чуть согреться, и решил еще один раз искупаться, прежде чем одеться и идти обратно в часть. Я опять разбежался, нырнул и, как в прошлый раз, сразу же поплыл к берегу. Выбравшись на берег, я вновь удивился. На этот раз около меня не было кустов и до ближайшего из них вверх по течению нужно было идти метров 20. Я пошел к этому кусту за одеждой. Дошел до него, обошел кругом и замер – одежды не было.

– Игорь, кончай шутить, отдай одежду, – негромко сказал я.

Но в ответ тишина. Ночь была темной, безлунной, видимость не более 10 метров. Я еще раз, чуть громче, позвал Игоря. В ответ тишина, только слышно течение реки.

Я испугался этой мистики. К тому же представил себе, как

буду через весь город голым добираться до части, прикрывшись лопухом, как буду перелезать через забор в расположение части, как зайду в казарму. Засмеют ведь. Какой позор.

Мне сразу стало жарко. Думаю, что даже пот на лбу появился, хотя изо рта от холода при дыхании шел сильный пар.

– Игорь, хорош так делать, хватит шутить, – уже громче и злобнее крикнул я.

Вдруг откуда-то издалека, донеслось:

– Ну, дай поспать спокойно, что пристал.

Я пошел на голос вверх по течению, и, о счастье, метров через 20 увидел такой же куст с моей одеждой. А оказалось, что и при первом заплыве в реке меня сильно отнесло от места ныряния, но я выплыл на берег рядом с таким же кустом, на котором оставил одежду выше по реке, и в темноте подумал, что быстрого течения у реки совсем нет. Когда же нырнул во второй раз, то меня опять отнесло течением на 20 метров, но я уже вышел на берег в окружении другого ландшафта и поначалу ничего не мог понять.

После того как понял, что меня обманула природа и какой я лопух, то на радостях решил еще раз нырнуть в реку и остудить свою разгоряченную переживаниями голову.

– Сиди, сиди, засранец, не торопись. Покачай еще. Только с места на место переходи, а то там долго трава не будет расти, судя по твоему характеру, – крикнул я в сторону Игоря с улыбкой, разбежался и нырнул снова в ледяную воду.

В этот раз я уже не удивился, что меня опять сильно унесло течением от куста с одеждой.

Через неделю произошла еще одна интересная речная история. Мы с Игорем пошли в самоволку искупаться в реке Бикин. Было полнолуние, поэтому можно было выбрать живописное место на реке и не только искупаться, но и полюбоваться пейзажем: рекой, противоположным крутым берегом, деревянными домами, начинающимися в двухстах метрах от места купания, лодками рыбаков, стоявшими неподвижно на берегу, луной и, самое главное, насладиться минутами свободы. Берег в той части, где мы решили в этот раз искупаться, был каменистым. Река делала дугу в форме подковы, и глубокая часть русла приходилась на противоположный берег, а на нашей стороне было мелководье. В холодной воде долго не купаешься и тем более неприятно потихоньку идти по острым камням до той глубины, где можно окунуться с головой. Поэтому мы с Игорем решили пройти по каменистой отмели, которая, как коса, уходила от берега почти на середину реки, и с крайней заостренной части этой косы можно было уже даже нырять сразу в реку, потому что там глубина позволяла это сделать. Проходя вдоль реки, мы увидели костер в ста метрах от нас, под густой кроной деревьев на нашем берегу. Были слышны девичьи голоса, разговоры. Пламя огня немного освещало троих человек, сидевших у костра. Нельзя было разглядеть лиц и даже определить их пол, так как они сидели не рядом с костром, а в двух метрах

от него и крона деревьев защищала людей от лунного света. Только тембр голосов, выдавал в незнакомцах девушек.

– Может, зайдём на огонек, Игорь? – спросил я. – Глядишь, невест себе найдём среди местных красавиц, будет кому перед купанием в сарайчик зайти переодеться в плавательные костюмы.

– Конечно, зайдём, – кивнул Игорь, – может быть, и подфартит с любовью. Но только давай сначала искупаемся, а потом уже погреемся у костра.

– Уговорил, черт красноречивый, – проговорил я девичьим голоском.

Мы подошли к краю косы. Луна зашла за облака, и видимость стала не такая хорошая, как несколько минут назад. Лишь только пламя костра переливалось красными языками на фоне темного берега, как один маленький светлый треугольник на черном полотне большой картины. Мы быстро разделись, как всегда, полностью догола, чтобы не мочить трусы, и одновременно нырнули в воду. И так же одновременно, очень быстро после ныряния, вылезли на берег. Вода была жутко холодной, просто ледяной. Все мышцы сразу сократились, сжались, плечи поднялись наверх, руки согнулись в локтях, все тело напряглось от холода, пытаюсь хоть немного согреться от статического напряжения мышц. Чтобы не околеть, мы начали размахивать руками, делать круговые движения, поднимать прямые ноги вверх, доставая ими поочередно выставленные перед собой руки, отжимались от

пола, поднимали и бросали камни. Даже немного поборолись друг с другом. Минут десять мы с другом проделывали комплекс физических упражнений, чтобы согреться и обсохнуть. Краем уха слышали, что девицы у костра оживились, хихикали и даже иногда заливались смехом. Судя по голосам, это были школьницы, скорее всего, старшеклассницы, лет 15 от роду. Наконец мы высохли, оделись и пошли по направлению к костру. Пока шли, голоса у огня смолкли. Ну, что же, видно, не успели девчонок застать. Жаль, конечно, но хоть костер девочки не потушили, согреемся немного, а может, и с картошкой в углях повезет.

Мы отгадали: и картошку нашли, зажаренную на углях в мундире, и даже хлеб с салом обнаружили. Аппетит у солдата и так всегда отменный, а после холодного купания вообще зверский. Мы пододвинули бревно ближе к костру, сели, достали по картошечке, очистили ее от кожуры, откусили, подняли глаза на реку, увидели косу, на которой мы купались, и в ту же секунду мы с Игорем одновременно застыли. Наши челюсти перестали жевать и отвисли с полным картошкой ртом. В ясном лунном свете, как на картине Куинджи, была песчаная коса, на которой мы пять минут назад показывали зрителям у костра комплекс физических упражнений. Луна не могла из-за облака осветить ту часть берега, где мы сейчас сидели у костра, зато косу освещала очень хорошо. Были видны все камушки на косе, все кустики и даже их отдельные веточки. Естественно, мы представили, какое захваты-

вающее действие, какое интересное кино разыгралось пятнадцать минут назад на этой косе перед зрителями, сидевшими у костра. Это даже не кино, а цирк, когда два абсолютно голых парня борются между собой, толкают друг друга, делают круговые движения туловищем, поднимают вверх свои ноги, трясая замерзшими членами перед молодой, но, несомненно, в тот момент внимательной аудиторией. В те времена даже в городах не было возможности полистать журнал с фотографиями голых людей и тем более посмотреть эротический видеофильм. Тогда это было все запрещено и не распространялось так свободно, как в наши дни. В связи с этим, думаю, для бикинских деревенских старшеклассниц в тот вечер у костра был показан первый фильм про анатомию мужского организма, когда можно было увидеть и мошонку, поросшую густыми волосами, и торчащее из нее скрюченное от холод, нечто в виде маленького шланга.

– Игорь, отгадай загадку из серии «Армянское радио», – сказал я серьезно. – Что такое ни то ни се, а сбоку бантик?

– Не знаю, – вдумчиво ответил Игорь.

– Это голый мужчина в профиль, – тоже серьезно сказал я, и через миг мы оба уже громко хохотали, фантазируя вслух, что там про нас сейчас болтают девчонки. Наверное, всю следующую неделю вблизи этого места, как партизаны по кустам, собирались все девочки класса, а может быть, и всей школы в надежде увидеть бесплатное порно в исполнении двух обнаженных солдат-придурков. Точно сказано про нас

в той загадке: «...ни то ни се с бантиком». Но, к сожалению, мы с Игорем были тогда еще скромные, к славе не привыкшие и поэтому ходили в оставшиеся осенние дни купаться в другие места.

* * *

В ноябре Игорь уехал в месячный отпуск домой. Об отпуске в армии мечтали все. Его давали, как правило, солдатам, отслужившим 1,5 года. После отпуска легче было дослуживать, время бежало быстрее, и солдат не так тосковал о доме в сравнении с теми, кто пробыл безвыездно всю службу на территории одной части. Меня тоже командир батальона подавал в списках солдат с ходатайством об отпуске, но, говорят, сам командир полка майор Хазаров вычеркнул мою фамилию. В общем-то я с Хазаровым лично знаком не был. Знал, конечно же, командира полка в лицо, но не думал, что он меня знает. Видимо, Хазаров запомнил, как полгода назад я прошел мимо него не по Уставу. В армии все солдаты, проходя мимо офицеров, не переходят на строевой шаг, как гласит Устав, а просто отдают им честь, прислонив руку к виску. Так же и я полгода назад отдал честь, проходя на плацу мимо одиноко стоящего Хазарова. Но командир полка, как я уже писал ранее, был человек вредный и черпал энергию от конфликтов, наслаждаясь своей властью маленького ростом человека над другими людьми. Хазаров в тот день

повернулся ко мне и рывкнул:

– Солдат, ну-ка вернись ко мне.

Я уже ушел от него метров на пять, потому что торопился выполнить срочное курьерское задание. Конечно же, пришлось выполнить приказ и вернуться к майору.

– Как фамилия? – громким, утробным, злым голосом спросил командир полка. Нижняя челюсть от злобы выходила у майора вперед, а губы были вытянуты кружком, как у обидчивого ребенка.

– Рядовой Ландышев, товарищ гвардии майор, – выпрямился я по стойке «смирно».

– Куда идешь, рядовой?

– Направляюсь в штаб полка, несу письмо для начальника штаба от командира 1-го мотострелкового батальона.

– Тебя учили в батальоне строевой подготовке? Как надо отдавать честь офицеру по Уставу?

– Так точно, учили, товарищ гвардии майор, – без испуга, твердо отвечал я.

– Ну, так отдай честь мне как положено.

– Есть, – ответил я, повернулся налево, сделал пять шагов от командира полка, развернулся кругом и пошел по направлению к нему строевым шагом, высоко поднимая прямые ноги и оттягивая носки. Не доходя пару метров до комполка, я поднес руку к виску и развернул голову в сторону офицера. Я сделал все по Уставу, а вот командир полка – нет. Он тоже должен был поднять руку к виску и отдать мне честь, но он

этого не сделал, а вернул меня вновь на исходную позицию для повтора. Я был в роте одним из лучших в строевой подготовке и старался сделать все на «отлично», но понял, что командиру полка просто хочется немного поиздеваться над бесправным солдатом. Хазаров меня погонял туда-обратно семь раз и только потом отпустил, так и не отдав ни разу в ответ честь солдату, как положено по Уставу.

Наверное, именно тот случай Хазаров запомнил и вычеркнул меня из списков отпускников. Очень жаль. Из-за этого я пропустил свадьбу своей единственной родной сестры, событие, которое бывает в жизни брата, как правило, в единичных случаях.

Сразу как только Игорь Голованов вернулся из отпуска, мы заперлись после отбоя в штабе батальона, разложили вкусные гостинцы с гражданки, открыли бутылку водки и начали делиться новостями. Конечно, полковые новости были за месяц короткие, одно и то же каждый день, поэтому я быстро все другу рассказал и с интересом начал слушать его повествование о том, что нового произошло в стране за полтора года, как живут люди, как он провел отпуск.

Игорь начал обзор жизни государства, как и полагалось в армии, с политической обстановки.

– Да всё там, на гражданке, так же, Слава. Ничего не произошло. Застой полнейший. Мужики водку пьют от бесперспективности. Мой друг в Пензе пошел после школы на завод пахать, так как в вуз провалил экзамены. Парень физи-

чески здоровый, борьбой занимался. Думал там годик поработать, лучше подготовиться к экзаменам и опять постараться поступить в политех. На заводе его поставили в бригаду, которая перевозила на тележках чугунные слитки от склада по цехам. Он делал за смену в полтора раза больше ходок, чем остальные мужики. Проработал три месяца и уволился. Зарплату ему платили на протяжении трех месяцев такую же, как и всем остальным в его смене, хотя он делал намного больше. Но наряд закрывали на всю смену, а не на каждого члена. Коммунизм строим, блин, все должны быть равны. А через три месяца заводские мужики из смены в курилке моему другу и говорят, чтобы он поубавил пыл в работе, так как из-за его усердия им план повысили, а денег ни фига не прибавили. Он и ушел с завода, потому как сидеть с ними по три часа в день курить, выпивать и спать во время работы ему не захотелось. После завода мой друг пошел на барахолку шмотками торговать. Сказал, что зарабатывает там в три раза больше, чем на заводе, и нет никаких сверху начальников. Я тоже туда, Славдон, собираюсь податься после армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.